

ЭХО

הה

Separate poems translated from English to Russian by Adolf Goman

Отдельные стихотворения в переводе с английского Адольфа Гомана

adolfgoman@gmail.com

Источник: «500 популярных стихотворений на английском языке» <https://allpoetry.com/famous-poems> и др.

The Author	The Poem	Стихотворение	Поэт
------------	----------	---------------	------

Anonymous XIII century John Donne	Fowles in the Frith No man is an island Song: Go and catch a falling star Death, be not proud	Птицы в лесу Ни один человек не остров Пойди и поймай падающую звезду Смерть, не гордись! (Святой Сонет 10)	Анонимный поэт 13-го века Джон Донн (1572-1631)
Robert Herrick John Milton Anne Bradstreet Richard Lovelace Andrew Marvell William Wordsworth	To the Virgins, to Make Much of Time Methought I saw my late espoused saint The Author to Her Book To Althea, from Prison To His Coy Mistress Daffodils A Character The World Is Too Much With Us The Star	Девственницам, дабы не теряли времени Во сне покойную святую видел я Автор к её книге К Алтее, из тюрьмы К его застенчивой любовнице Нарциссы Характер Излишни в мире мы Звезда	Роберт Херрик (1591-1674) Джон Милтон (1608-1674) Энн Брэдстрит (1612-1672) Ричард Лавлейс (1618-1657) Эндрю Марвелл (1621-1678) Уильям Вордсворт (1770-1850)
Ann And Jane Taylor			Энн (1782-1866) и Джейн (1783-1824) Тейлор
Percy B. Shelley	Ozymandias Good-Night	Ozymandias Спокойной ночи	Перси Б. Шелли (1792-1824)
John Clare John Keats	I Am! Bright star, would I were stedfast as thou art When I have Fears That I May Cease to Be	Я жив О яркая звезда, когда б, как ты Когда представлю, что осталось жить	Джон Клэр (1793-1864) Джон Китс (1795-1821)
Elizabeth Browning Henry Longfellow	How Do I Love Thee? A Psalm of Life A Glean Of Sunshine The Arrow and the Song	Как я люблю тебя? (Сонет 43) Псалом жизни Проблеск солнечного света Стрела и песня	Элизабет Браунинг (1806-1861) Генри Лонгфелло (1807-1882)
Caroline Sarah Norton Alfred, Lord Tennyson	I Do Not Love Thee The Eagle Break, Break, Break Nothing Will Die Crossing the Bar	Я не люблю тебя Орёл Бей, бей, бей Ничто не умрёт Пересекая мель	Кэролайн С. Нортон (1808-1877) Альфред, Лорд Теннисон (1809-1892)
Edgar Allan Poe	Alone Evening Star Lines on Ale	В одиночестве Вечерняя звезда Строки на эле	Эдгар Аллан По (1809-1849)
Emily Brontë	Remembrance Song Eight short poems	Память Песня Восемь коротких стихотворений	Эмили Бронте (1818-1848)

Walt Whitman Christina Rossetti	A Noiseless Patient Spider Remember Echo	Терпеливый бесшумный паук Помни Эхо	Уолт Уитмен (1819-1892) Кристина Россетти (1830-1894)
Emily Dickinson John James Ingalls Henry Scott-Holland William Ernest Henley Ella Wheeler Wilcox	“Hope” is the thing with feathers Opportunity Death Is Nothing At All Invictus Solitude Life's Scars Love's Language	«Надежда» - что-то в перьях Шанс Смерть- это вообще ничто Invictus Одиночество Шрамы жизни Язык Любви	Эмили Дикинсон (1830-1886) Джон Джеймс Ингаллис(1833-1900) Генри Скотт-Холланд(1847-1918) Уильям Эрнест Хенли (1849-1903) Элла Уиллер Уилкоккс (1850-1919)
Robert Louis Stevenson William B. Yeats	The Moon Long-Legged Fly Aedh Wishes for the Cloths of Heaven When you are old Sailing to Byzantium Death An Irish Airman Foresees His Death The Song of Wandering Aengus The Second Coming	Луна Длинноногая муха Эд желает небесных покровов Когда ты постареешь Плавание в Византию Смерть Ирландский летчик предвидит свою смерть Песнь странствующего Энгуса Второе пришествие	Роберт Луи Стивенсон (1850-1894) Уильям Б. Йейтс (1865-1939)
Ernest Dowson Edwin Arlington Robinson William Henry Davies Paul Laurence Dunbar John McCrae Walter de la Mare	They are not long, the weeping and the laughter Richard Cory Leisure We Wear the Mask In Flanders Fields The Listeners Silver	Они недолги, радость и рыдания Ричард Кори Досуг Мы носим маску На полях Фландрии Слушатели Серебро	Эрнест Доусон (1867-1900) Эдвин А. Робинсон (1869-1935) Уильям Генри Дэвис (1871-1940) Пол Лоуренс Данбар (1872-1906) Джон МакКрэй (1872-1918) Уолтер де ла Мар (1873-1956)
Robert Frost	The Road Not Taken Stopping by Woods on a Snowy Evening Fire and ice Birches Nothing Gold Can Stay A Time to Talk Acquainted with the Night	Невыбранная дорога Остановка у леса снежным вечером Огонь и лёд Берёзы Ничто не остаётся золотым Время поговорить Я в одиночестве взгляделся в темноту	Роберт Фрост (1874-1963)
Robert W. Service Douglas Malloch John Masefield	The Mother Good Timber Sea fever	Мать Хорошая древесина Морская лихорадка	Роберт В. Сервис (1874-1958) Дуглас Маллох (1877-1938) Джон Мейсфилд (1878-1967)

Wallace Stevens Edgar Guest A.A.Milne Thomas E. Hulme Sara Teasdale H. D. (Hilda Doolittle) Rupert Brooke Claude McKay Edna St.Vincent Millay Dorothy Parker Wilfred Owen Marianne Moore Langston Hughes Ogden Nash Stevie Smith Mary Elizabeth Frye	Beauty The Emperor of Ice-Cream Have You Earned Your Tomorrow Equipment Disobedience Autumn I Thought Of You I am not yours There Will Come Soft Rains Peace Oread The Pool The Soldier If We Must Die When I Too Long Have Looked Upon Your Face I, being born a woman and distressed Spring A Dream Lies Dead Ballade at Thirty-Five A very short song A Certain Lady Anthem for Doomed Youth Dulce et Decorum Est Poetry The Weary Blues A Word To Husbands Not Waving But Drowning Do Not Stand At My Grave And Weep	Красота Император мороженого Заслужил ли ты своё завтра? Снаряжение Непослушание Осень Я думала о тебе Я не твоя Придёт нежный дождь Мир Oread Над водой Солдат Если нам суждено умереть Когда я долго на тебя смотрю Рожденной женщиной, мне ли не знать Весна Мечта умерла Баллада в тридцать пять Очень короткая песня Некая леди Гимн обреченной молодежи Dulce et Decorum Est Поэзия Усталый Блюз Слово к мужьям Не махал руками - тонул Не стой, не плачь у могилы моей Одно из искусств Те зимние воскресенья Не уходи в ту ночь, скажи ей «нет!» Ферн Хилл Это будет стих Я знаю, почему птица в клетке поёт Кандидат	Уоллес Стивенс (1879-1955) Эдгар Гест (1881-1959) Алан А.Милн (1882-1956) Томас Э.Хьюм (1883-1917) Сара Тисдейл (1884-1933) H.D. (Хильда Дулитл) (1886-1961) Руперт Брук (1887-1915) Клод МакКей (1889-1948) Эдна Сент-Винсент Миллей(1892-1950) Дороти Паркер (1893-1967) Уилфред Оуэн (1893-1918) Марианна Мур (1894-1962) Лэнгстон Хьюз (1902-1967) Огден Нэш (1902-1971) Стиви Смит (1902-1971) Мэри Элизабет Фрай(1905-2004) Элизабет Бишоп (1911-1979) Роберт Хейден (1913-1980) Томас Дилан (1914-1953) Филипп Ларкин (1922-1985) Майя Энджелу (1928-2014) Сильвия Плат (1932-1963)
---	---	---	--

Anonymous

Fowles in the Frith

(Original Medieval English Lyric):

Fowles in the frith,
The fisshes in the flood,
And I mon waxe wood:
Much sorwe I walke with
For beste of boon and blood

(Modern English):

The birds in the wood,
The fishes in the flood
And I must go mad:
Much sorrow I walk with
For beasts of bone and blood.

Анонимный автор XIII-го века

Птицы в лесу

Птицы мелькают в лесу,
Рыбы в воде родниковой...
Иду, обезуметь готовый:
Свое состраданье несу
Тварям из плоти и крови.

Комментарии в Fowles in the Frith: Modern English Translations with a Summary and Analysis:

«Это короткое лирическое стихотворение - очень ранний пример английской метрической рифмованной поэзии. Оригинальная схема рифмы - аббаб, с аллитерацией в каждой строке, возвращает нас к более старой англосаксонской или «древнеанглийской» поэзии. Поэт подозрительно звучит как защитник прав животных! Говорит ли поэт или предполагает, что его прогулки по лесу сводят его с ума, потому что он также «зверь из костей и крови», столкнувшийся с подобной судьбой? Некоторые читатели интерпретировали стихотворение как стихотворение о любви, религиозное стихотворение об Иисусе Христе и / или Деве Марии и / или стихотворение отчуждения; наиболее вероятный ответ, по-видимому, заключается в том, что говорящий испытывает сильное сочувствие (или печаль) к животным, которых он видит, страдающими вокруг него. Хотя, распространяется ли это сочувствие на самого говорящего, не совсем очевидно, но это маленькое безобидное слово «и» предполагает такую связь. Можно даже интерпретировать, что говорящий говорит, что все вместе сходят с ума: птицы, рыбы, другие звери и люди, подобные ему...»

Как считают, оригинал не сохранился из-за того, что какой-то монах соскоблил его с пергамента, чтобы написать другой текст.

Слово beste может быть понято также как best - лучший
(А.Г.)

John Donne

No man is an island

No man is an island,
Entire of itself,
Every man is a piece of the continent,
A part of the main.
If a clod be washed away by the sea,
Europe is the less.
As well as if a promontory were.
As well as if a manor of thy friend's
Or of thine own were:
Any man's death diminishes me,
Because I am involved in mankind,
And therefore never send to know for whom the bell tolls;
It tolls for thee.

John Donne

Song: Go and catch a falling star

Go and catch a falling star,
Get with child a mandrake root,
Tell me where all past years are,
Or who cleft the devil's foot,
Teach me to hear mermaids singing,
Or to keep off envy's stinging,

Джон Донн (1572-1631)

Ни один человек не остров

Ни один человек не остров,
Не сам по себе;
Человек - это часть континента,
Он целого часть.
Если море смывает ком земли, -
Смывает Европы кусок,
Как если бы это был мыс
Или поместье твоего друга,
Или даже твоё:
Смерть любого из смертных уменьшает меня,
Потому что я - человечества часть,
И потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол;
Он звонит по тебе.

(Отсюда название романа Эрнеста Хемингуэя. А.Г.)

Джон Донн (1572-1631)

Пойди и поймай падающую звезду

Ухвати звезду! Добыл ли
Мандрагору, паренёк?
Где года мои былые?
Чёрт копыто где рассёк?
Ты слышал русалок пенье?
Есть от зависти спасенье?

And find
What wind
Serves to advance an honest mind.

If thou be'st born to strange sights,
Things invisible to see,
Ride ten thousand days and nights,
Till age snow white hairs on thee,
Thou, when thou return'st, wilt tell me,
All strange wonders that befell thee,
And swear,
No where
Lives a woman true, and fair.

If thou find'st one, let me know,
Such a pilgrimage were sweet;
Yet do not, I would not go,
Though at next door we might meet;
Though she were true, when you met her,
And last, till you write your letter,
Yet she
Will be
False, ere I come, to two, or three.

John Donne

Death, be not proud

Death, be not proud, though some have called thee
Mighty and dreadful, for thou are not so;
For those whom thou think'st thou dost overthrow
Die not, poor Death, nor yet canst thou kill me.
From rest and sleep, which but thy pictures be,
Much pleasure; then from thee much more must flow,
And soonest our best men with thee do go,
Rest of their bones, and soul's delivery.

Где он, ветерок,
Чтоб смог
И честному уму помог?

Если можешь видеть ты,
Что не видно человеку,
Десять тысяч дней иди,
До волос белее снега,
И вернувшись расскажи
Всё, что видел. Подтверди,
Что при этом,
Во всём свете
Настоящей женщины не встретил.

Если ж есть, имей в виду:
Я-то рассказням не верю;
Как паломник, не пойду
Даже до соседней двери;
Будь она правдивой, станет лживой,
Что ты тут ни говори,
Она
Одна,
Пока я приду в два или в три.

Джон Донн (1572-1631)

Смерть, не гордись! (Святой Сонет 10)

Смерть, не гордись! Хотя зовут тебя
Могучей, страшной, мне ты не страшна;
Ведь все, кого ты взять была должна,
Не умерли, и не убьёшь меня.
Ты нам, уставшим от волнений дня,
Даёшь покой и сон испить сполна,
Ты – для костей и духа – ночь одна;
Стоишь на страже, отдых наш храня -

Thou'art slave to fate, chance, kings, and desperate men,
And dost with poison, war, and sickness dwell,
And poppy'or charms can make us sleep as well
And better than thy stroke; why swell'st thou then?
One short sleep past, we wake eternally,
And death shall be no more; Death, thou shalt die.

Robert Herrick

To the Virgins, to Make Much of Time

Gather ye rose-buds while ye may,
Old Time is still a-flying;
And this same flower that smiles today
Tomorrow will be dying.

The glorious lamp of heaven, the sun,
The higher he's a-getting,
The sooner will his race be run,
And nearer he's to setting.

That age is best which is the first,
When youth and blood are warmer;
But being spent, the worse, and worst
Times still succeed the former.

Then be not coy, but use your time,
And while ye may, go marry;
For having lost but once your prime,
You may forever tarry.

John Milton

Methought I saw my late espoused saint

(Sonnet 23)

Methought I saw my late espoused saint

Раба судьбы, убийц и королей.
Болезни, яды, войны нас разят,
Но мака сок разит сильнее стократ,
И как влечёт! Не пыжься, будь скромней!
Навек проснёмся мы. Сон был хорош.
Не будет больше смерти: ты умрёшь.

Роберт Херрик (1591-1674)

Девственницам, дабы не теряли времени

Срывайте бутоны роз на бегу,
Ведь время летит, ждать не станет;
Цветок, что сегодня расцвёл на лугу,
Завтра умрёт и завянет.

Солнце, светильник небес, каждый час
Всё ближе к зениту, тогда-то
Оно ускоряет свой бег и как раз,
Что час, тем ближе к закату.

Молодость - лучший возраст, она
Пламенем полнит вены;
Потом всё хуже пойдут времена
Молодости на смену.

Оставьте скромность, времени нет,
Скорей выходите замуж;
Когда-нибудь кончится ваш расцвет,
И будет поздно тогда уж.

Джон Мильтон (1608-1674)

Во сне покойную святую видел я

(Сонет 23) *)

Во сне покойную святую видел я

Brought to me, like Alcestis, from the grave,
Whom Jove's great son to her glad husband gave,
Rescu'd from death by force, though pale and faint.
Mine, as whom wash'd from spot of child-bed taint
Purification in the old Law did save,
And such as yet once more I trust to have
Full sight of her in Heaven without restraint,
Came vested all in white, pure as her mind;
Her face was veil'd, yet to my fancied sight
Love, sweetness, goodness, in her person shin'd
So clear as in no face with more delight.
But Oh! as to embrace me she inclin'd,
I wak'd, she fled, and day brought back my night.

Anne Bradstreet

The Author to Her Book

Thou ill-form'd offspring of my feeble brain,
Who after birth didst by my side remain,
Till snatched from thence by friends, less wise than true,
Who thee abroad, expos'd to publick view,
Made thee in raggs, halting to th' press to trudge,

Воскресшей, как Альцеста из могил, **)
Что сын Юпитера супругу возвратил,
Живой, хоть бледной, слабой приведа.
Она сияла, словно солнце дня,
Чиста, как то Завет установил, (***)
И это мне опять придало сил:
На Небесах она воскреснет для меня.
Вся в белом, как при ярком свете дня,
Она предстала предо мной, ловил
Я сквозь вуаль черты её, любя
Сиянье доброты, тот образ, что мне мил.
Она обнять меня склонилась... но заря
Вернула мрак, куда я сослан был.

*) В 1657 году вторая жена Джона Мильтона, Кэтрин Вудкок, умерла после немногим более года брака и трех месяцев после рождения дочери, которая также умерла. Пятью годами ранее Милтон пережил аналогичную утрату, когда его первая жена умерла, родив ему дочь Дебору. Всего за несколько месяцев до этого, в феврале 1652 года, Милтон потерял зрение.

**) по греческому мифу Геракл вернул Альцесту её мужу Адмету из Аида

***) Умершая была как бы трижды очищена и спасена: по греческому мифу, по древним иудейским правилам (после родов) и в смысле христианского воскрешения

Энн Брэдстрит (1612-1672)

*)

Автор к её книге

Ты - слабого ума и сердца плод больной,
После рожденья остававшийся со мной.
Потом мои не очень мудрые друзья
Решили за границей выставить тебя
В лохмотьях тиража, во всей красе,

Where errors were not lessened (all may judge).
At thy return my blushing was not small,
My rambling brat (in print) should mother call,
I cast thee by as one unfit for light,
Thy Visage was so irksome in my sight;
Yet being mine own, at length affection would
Thy blemishes amend, if so I could:
I wash'd thy face, but more defects I saw,
And rubbing off a spot, still made a flaw.
I stretched thy joints to make thee even feet,
Yet still thou run'st more hobbling than is meet;
In better dress to trim thee was my mind,
But nought save home-spun Cloth, in th' house I find.
In this array 'mongst Vulgars mayst thou roam.
In Criticks hands, beware thou dost not come;
And take thy way where yet thou art not known,
If for thy Father askt, say, thou hadst none:
And for thy Mother, she alas is poor,
Which caus'd her thus to send thee out of door.

Richard Lovelace

To Althea, from Prison

When Love with unconfinèd wings
Hovers within my Gates,
And my divine *Althea* brings
To whisper at the Grates;
When I lie tangled in her hair,
And fettered to her eye,
The Gods that wanton in the Air,
Know no such Liberty.

Где не уменьшились ошибки (видят все).
Вернулся ты, мне стыд пришлось познать:
Ты (из печати), должен к матери звать.
Я б бросила тебя, негодного, в окно,
Весь облик твой мне утомителен давно;
Но ты ведь мне родной, тебе я помогу;
Исправить постараюсь, как смогу:
Лицо твое умою, вылечу недуг,
Но, победив один, другие вижу вдруг.
Я ноги выровнила растянув тебе,
Но ты опять хромаешь при ходьбе;
Хотела в лучшую одежду нарядить,
Но ткань домашнюю смогла лишь раздобыть.
Среди простолоудинов будешь свой, ступай,
Но только в руки критикам не попадай;
Иди туда, где о тебе не знает свет.
Коль спросят об отце, скажи, такого нет,
Скажи о матери своей: увы, бедна,
И выставить меня за дверь была должна.

*) Энн Брэдстрит – первая поэтесса колоний Нового Света

Ричард Лавлейс (1618-1657)

К Алтее, из тюрьмы

*)

Когда любовь к замкам ворот
На крыльях мне из тьмы
Алтею дивную несёт
Шептать у стен тюрьмы,
Прикован я к ее глазам,
Омыт волос волной.
На Небе не дано Богам
Свободы знать такой.

When flowing Cups run swiftly round
With no allaying *Thames*,
Our careless heads with Roses bound,
Our hearts with Loyal Flames;
When thirsty grief in Wine we steep,
When Healths and draughts go free,
Fishes that tittle in the Deep
Know no such Liberty.

When (like committed linnets) I
With shriller throat shall sing
The sweetness, Mercy, Majesty,
And glories of my King;
When I shall voice aloud how good
He is, how Great should be,
Enlargèd Winds, that curl the Flood,
Know no such Liberty.

Stone Walls do not a Prison make,
Nor Iron bars a Cage;
Minds innocent and quiet take
That for an Hermitage.
If I have freedom in my Love,
And in my soul am free,
Angels alone that soar above,
Enjoy such Liberty.

Когда бокалам нет конца
(В них капли *Темзы* нет), **)
Увиты розами сердца,
В них Верности обет.
Когда мы пьём назло беде,
За здравие порой,
То рыбам не дано в воде
Свободы знать такой.

Когда б (как птица в клетке) я
Запел, из всех бы сил,
Величие, сладость короля
И мудрость возносил;
Ведь будет славен, всё равно,
Он, как никто другой.
Потопа бурям не дано
Свободы знать такой.

Не стены создают тюрьму
И держат взаперти;
Легко свободному уму
Покой и там найти.
Свободен я, в душе давно
Любовь и благодать.
Такой лишь ангелам дано
Свободой обладать.

*) В 1642 году Лавлейс был избран в Палату Общин, где, будучи верным сторонником Карла I, подал в парламент петицию с требованием вернуть короля на престол. Однако его петицию осудили, а самого Лавлейса посадили в тюрьму. Там он и написал это стихотворение в форме обращения к женщине с аллегорическим именем Алтея. Оно входит во все английские антологии, а последняя строфа его часто цитируется.

**) см. примечание переводчика А. Лукьянова в <https://stihi.ru/2006/12/04-1475>

Andrew Marvell

To His Coy Mistress

Had we but world enough and time,
This coyness, lady, were no crime.
We would sit down, and think which way
To walk, and pass our long love's day.
Thou by the Indian Ganges' side
Shouldst rubies find; I by the tide
Of Humber would complain. I would
Love you ten years before the flood,
And you should, if you please, refuse
Till the conversion of the Jews.
My vegetable love should grow
Vaster than empires and more slow;
An hundred years should go to praise
Thine eyes, and on thy forehead gaze;
Two hundred to adore each breast,
But thirty thousand to the rest;
An age at least to every part,
And the last age should show your heart.
For, lady, you deserve this state,
Nor would I love at lower rate.
But at my back I always hear
Time's wingèd chariot hurrying near;
And yonder all before us lie
Deserts of vast eternity.
Thy beauty shall no more be found;
Nor, in thy marble vault, shall sound
My echoing song; then worms shall try
That long-preserved virginity,
And your quaint honour turn to dust,

Эндрю Марвелл (1621-1678)

К его застенчивой любовнице

Когда бы время быстро так не шло к концу,
Застенчивость, о леди, вам была б к лицу.
Мы б сели рядом и подумали вдвоём
О том, как долгий день любви мы проведем.
Вы б в Индии в долине Ганга и в горах
Искали бы рубины; Я б – увы и ах! -
На берегу пролива Хамбер тихо ныл
И лет за десять до потопа вас любил,
А вы б отказывали мне, любезный друг,
Пока евреи не сменили б веру вдруг.
Вегетарьянский пыл мой рос бы – нежен, тих -
Империй шире и медлительнее их;
И я сто лет (никак не меньше) был бы рад
Хвалить ваши глаза и бесподобный взгляд;
Сто лет ушло б на обожание грудей
И тысячи для каждой из других частей;
Века уйдут на то да сё и под конец -
На лицезренье лучшего из всех сердец.
Вы, леди, заслужили этот фимиам,
И я б на меньшее не согласился сам.
Но за спиной моей я слышу стук копыт:
То колесница времени бессонно мчит;
При этом вокруг нас, куда ни оглянись,
Бескрайней вечности пустыни разлеглись.
Там ваша не видна мне будет красота;
И в мавзолее мраморном уже не та
Песнь зазвучит моя, и будет для червей
Вся ваша девственность нисколько не вкусней,
Честь ваша обратится в прах за долгий срок,

And into ashes all my lust;
The grave's a fine and private place,
But none, I think, do there embrace.

Now therefore, while the youthful hue
Sits on thy skin like morning dew,
And while thy willing soul transpires
At every pore with instant fires,
Now let us sport us while we may,
And now, like amorous birds of prey,
Rather at once our time devour
Than languish in his slow-chapped power.
Let us roll all our strength and all
Our sweetness up into one ball,
And tear our pleasures with rough strife
Through the iron gates of life:
Thus, though we cannot make our sun
Stand still, yet we will make him run.

William Wordsworth

Daffodils

I wandered lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd,
A host, of golden daffodils;
Beside the lake, beneath the trees,
Fluttering and dancing in the breeze.

Continuous as the stars that shine
And twinkle on the milky way,
They stretched in never-ending line
Along the margin of a bay:
Ten thousand saw I at a glance,

А моя похоть – в хладный пепел и песок;
Уединение в могиле? Что ж, вполне,
Но там не место для любви, сдаётся мне.

Итак, пока оттенок кожи молодой
Твоей сияет свежей утренней росой,
Пока огонь твоей заждавшейся души
Ещё ничто в тебе не в силах затушить,
И пока страсти пыл ещё в нас не погас,
Мы – словно пара хищных птиц в любовный час.
Пусть лучше злое время сразу нас пожрёт,
Чем иссушит до тла и медленно убьёт.
Давай все наши силы юные, весь жар,
Всю сладость соберём в единый яркий шар,
И не дадим судьбе закрыть их на засов
От нас железными воротами годов:
Не в силах солнце мы с тобой остановить,
Но мы бежать его заставим во всю прыть.

(опубликовано посмертно в 1681г.)

Уильям Вордсворт (1770-1850)

Нарциссы

Я в поле брёл один тропой,
Как облако в полях своих,
И вдруг увидел пред собой,
Толпу нарциссов золотых;
В тени деревьев по утру
Они плясали на ветру.

И как звёзд млечного пути
Мерцает бесконечный тракт,
Они у озера цвести
Решили, наклоняясь в такт:
Я их головок возле вод

Tossing their heads in sprightly dance,

The waves beside them danced, but they
Out-did the sparkling waves in glee:
A poet could not be but gay,
In such a jocund company:
I gazed'and gazed'but little thought
What wealth the show to me had brought:

For oft, when on my couch I lie
In vacant or in pensive mood,
They flash upon that inward eye
Which is the bliss of solitude;
And then my heart with pleasure fills,
And dances with the daffodils.

William Wordsworth

A Character

I marvel how Nature could ever find space
For so many strange contrasts in one human face:
There's thought and no thought, and there's paleness and bloom
And bustle and sluggishness, pleasure and gloom.

There's weakness, and strength both redundant and vain;
Such strength as, if ever affliction and pain
Could pierce through a temper that's soft to disease,
Would be rational peace—a philosopher's ease.

There's indifference, alike when he fails or succeeds,
And attention full ten times as much as there needs;
Pride where there's no envy, there's so much of joy;
And mildness, and spirit both forward and coy.

There's freedom, and sometimes a diffident stare

Десятки тысяч видеть мог,

И волны в берег стали бить,
Их ликованием светясь:
Поэт лишь счастлив может быть,
В такой компании смеясь.
Я думал: что за роскошь вдруг
Мне подарил их дружный круг!

Когда, устав от суеты,
Я отдыхаю, с этих пор
Передо мной встают цветы
И одиночества простор;
И тогда сердце в тишине
Танцует весело во мне.

Уильям Вордсворт (1770-1850)

Характер

Как совместить смогла природа, не пойму,
На человеческом лице контрастов тьму:
Цветенье, бледность, мысли глубь и пустоту,
Унынье и восторг, сонливость, суету.

В нём слабость и совсем не к месту сила, прыть,
Как будто с нею боль и горе вдруг привить
Могли бы нраву, чей задор давно потух,
В конце душевный мир и философский дух.

Весь безразличье - преуспел иль претерпел,
И весь внимание, когда он не у дел;
Но гордость есть без зависти и без обид,
Напористость и кротость, скромность, чуткий стыд,

Застенчивость души, свободы ясный свет

Of shame scarcely seeming to know that she's there,
There's virtue, the title it surely may claim,
Yet wants heaven knows what to be worthy the name.

This picture from nature may seem to depart,
Yet the Man would at once run away with your heart;
And I for five centuries right gladly would be
Such an odd such a kind happy creature as he.

William Wordsworth

The World Is Too Much With Us

The world is too much with us; late and soon,
Getting and spending, we lay waste our powers;—
Little we see in Nature that is ours;
We have given our hearts away, a sordid boon!
This Sea that bares her bosom to the moon;
The winds that will be howling at all hours,
And are up-gathered now like sleeping flowers;
For this, for everything, we are out of tune;
It moves us not. Great God! I'd rather be
A Pagan suckled in a creed outworn;
So might I, standing on this pleasant lea,
Have glimpses that would make me less forlorn;
Have sight of Proteus rising from the sea;
Or hear old Triton blow his wreathèd horn.

Ann And Jane Taylor

The Star

Twinkle, twinkle, little star,
How I wonder what you are!
Up above the world so high,
Like a diamond in the sky.

И добродетельность, игры в которой нет,
Укоренённая столетиями честь
И всё, что Бог потом за благо может счесть.

Конечно, этой смеси предрешён конец,
Но вам её не вырвать из своих сердец;
И я б хотел ещё пятьсот лет, так и быть,
Таким созданием странным и счастливым быть.

Уильям Вордсворт (1770-1850)

Излишни в мире мы

Излишни в мире мы. И в беготне,
Беря и тратя, потеряли силы;
В Природе мало что нам близко было.
Убогий дар – сердца - изжит вполне.
Вот море грудь подставило луне;
Вот ветры, что завоюют вдруг уныло,
Но спят сейчас, цветам подобны милым;
Мы не созвучны этому; извне
Мы видим всё. Великий Бог! Скорей
Я б был язычником, полн вдохновенья,
Стоял бы на дороге средь полей,
Был менее несчастен на мгновенье;
Там поднимался бы из вод Протей;
И дул Тритон в свой рог под дочек пенье.

Энн (1782-1866) и Джейн Тейлор (1783-1824)

Звезда

Ярче, звёздочка, мерцай,
Что ты, кто ты, знать мне дай,
Там, высоко над землёй,
Бриллиант во тьме ночной!

When the blazing sun is gone,
When he nothing shines upon,
Then you show your little light,
Twinkle, twinkle, all the night.

Then the trav'ler in the dark,
Thanks you for your tiny spark,
He could not see which way to go,
If you did not twinkle so.

In the dark blue sky you keep,
And often thro' my curtains peep,
For you never shut your eye,
Till the sun is in the sky.

'Tis your bright and tiny spark,
Lights the trav'ler in the dark :
Tho' I know not what you are,
Twinkle, twinkle, little star.

Percy Bysshe Shelley

Ozymandias

I met a traveller from an antique land,
Who said—"Two vast and trunkless legs of stone
Stand in the desert. . . . Near them, on the sand,
Half sunk a shattered visage lies, whose frown,
And wrinkled lip, and sneer of cold command,
Tell that its sculptor well those passions read
Which yet survive, stamped on these lifeless things,
The hand that mocked them, and the heart that fed;
And on the pedestal, these words appear:
My name is Ozymandias, King of Kings;

Когда солнца луч угас
И во тьме оставил нас,
Светишь ты. Гори, гори
И мерцай нам до зари!

Как бы путник смог найти
Без тебя, куда идти?
И за проблеск слабый твой
Благодарен он душой.

И я жду уже давно,
Чтоб мигнула мне в окно...
Ты не спишь во мгле высот,
Пока солнце не взойдёт,

И, пока ты там, всем нам
Веселее по ночам.
Хоть кто ты не знаю я,
Но мерцай, звезда моя!

Колыбельная <https://www.youtube.com/watch?v=ScmQfUbmJVo>

Перси Биши Шелли (1792-1822)

Ozymandias

*)

Мне путник рассказал, из древних стран
Вернувшийся: «Среди пустынь стоят
Из камня две ноги, а рядом стан
И лик из-под песка: угрюмый взгляд
(Так смотрит, презирая всех, тиран).
Как видно, скульптор хорошо прочёл
В лице ещё живого пыл страстей;
В бездушном камне он воспроизвёл
Всё, что из сердца шло. И текст гласил:

Look on my Works, ye Mighty, and despair!
Nothing beside remains. Round the decay
Of that colossal Wreck, boundless and bare
The lone and level sands stretch far away.”

Percy Bysshe Shelley

Good-Night

Good-night? ah! no; the hour is ill
Which severs those it should unite;
Let us remain together still,
Then it will be good night.

How can I call the lone night good,
Though thy sweet wishes wing its flight?
Be it not said, thought, understood —
Then it will be--good night.

To hearts which near each other move
From evening close to morning light,
The night is good; because, my love,
They never say good-night.

John Clare

I Am!

I am! yet what I am none cares or knows,
My friends forsake me like a memory lost;

«Я Озимандиас, я царь царей;
Глядите на дела, что я свершил,
Как я могуч! И трепещите!» Но...
Вокруг всё пусто. Там, где он царил,
Бескрайние пески лежат давно».

*) Озимандиас – так по-гречески воспроизвёл во втором веке до н.э. имя фараона Рамсеса Второго историк Диодор Сицилийский

Перси Биши Шелли (1792-1822)

Спокойной ночи

Спокойной ночи? Если час
Нам рознь сулит, а не союз?
Спокойней будет ночь как раз
Не размыкая рук.

Спокойной будет ли она,
Когда умчит любовь во мрак?
Спокойной будет ночь, когда
И не помыслим так.

Ночь хороша, коль до утра
Сердца вблизи стучат,
И «доброй ночи, мне пора»,
Совсем не говорят.

Джон Клер (1793-1864)

Я жив

*)

Я существую, но лишь для себя,
Не интересен даже и друзьям.

I am the self-consumer of my woes,
They rise and vanish in oblivious host,
Like shades in love and death's oblivion lost;
And yet I am! and live with shadows tost

Into the nothingness of scorn and noise,
Into the living sea of waking dreams,
Where there is neither sense of life nor joys,
But the vast shipwreck of my life's esteems;
And e'en the dearest—that I loved the best—
Are strange—nay, rather stranger than the rest.

I long for scenes where man has never trod;
A place where woman never smil'd or wept;
There to abide with my creator, God,
And sleep as I in childhood sweetly slept:
Untroubling and untroubled where I lie;
The grass below—above the vaulted sky.

John Keats

Bright star, would I were stedfast as thou art

Bright star, would I were stedfast as thou art—
Not in lone splendour hung aloft the night
And watching, with eternal lids apart,
Like nature's patient, sleepless Eremite,
The moving waters at their priestlike task
Of pure ablution round earth's human shores,
Or gazing on the new soft-fallen mask
Of snow upon the mountains and the moors—
No—yet still stedfast, still unchangeable,
Pillow'd upon my fair love's ripening breast,

Печальями своими занят я -
Являются и тают где-то там
Любовь и смерть, как грёзы наяву;
И всё ж я существую, я живу

В небытии презренья много лет,
В огромном море беспробудных снов,
Где смысла жизни и веселья нет,
Но лишь крушенье жизненных основ;
И лица самых близких, дорогих
Мне чужды даже более других.

Туда хочу, где и мужчина не ступал,
Где женский смех и плач не услышать;
Там рядом с Богом, Тем, кто нас создал,
Испытывал я б снова благодать
Счастливых детских снов. Где лишь покой,
Трава внизу, свод неба надо мной.

*) Стихотворение написано в лечебнице для душевнобольных

Джон Китс (1795-1821)

О яркая звезда, когда б, как ты

О яркая звезда, когда б, как ты,
Незыблем был, не стал бы я лить свет
И, не смыкая глаз, из темноты
Отшельником бессонным много лет
Смотреть на воды, что свершают круг
В обряде омовенья берегов,
Или на горы, что исчезли вдруг,
Укрытые под пеленой снегов -
Нет – но, незыблем так же, был бы рад
Покоиться у милой на груди,

To feel for ever its soft fall and swell,
Awake for ever in a sweet unrest,
Still, still to hear her tender-taken breath,
And so live ever—or else swoon to death.

John Keats

When I have Fears That I May Cease to Be

When I have fears that I may cease to be
Before my pen has gleaned my teeming brain,
Before high-pilèd books, in charactery,
Hold like rich garners the full ripened grain;
When I behold, upon the night's starred face,
Huge cloudy symbols of a high romance,
And think that I may never live to trace
Their shadows with the magic hand of chance;
And when I feel, fair creature of an hour,
That I shall never look upon thee more,
Never have relish in the faery power
Of unreflecting love—then on the shore
Of the wide world I stand alone, and think
Till love and fame to nothingness do sink.

Elizabeth Barrett Browning

How Do I Love Thee?

How do I love thee? Let me count the ways.
I love thee to the depth and breadth and height
My soul can reach, when feeling out of sight
For the ends of being and ideal grace.
I love thee to the level of every day's
Most quiet need, by sun and candle-light.
I love thee freely, as men strive for right.
I love thee purely, as they turn from praise.

Чтоб чувствовать её подъём и спад,
И в беспокойстве сладком жизнь вести,
Дыханья нежного её эфир лоя.
И так навек, иначе – Смерть, вот я!

Джон Китс (1795-1821)

Когда представлю, что осталось жить

Когда представлю, что осталось жить
Так мало, и судьбой мне не дано
Обилье мыслей в книгах сохранить,
Как в житницах хранят жнецы зерно;
Когда на звездном лике ночи я
Романтики высокой письмена
Неясно различаю и скорбя
Осознаю: их суть мне не ясна;
Когда - создание хрупкое на час -
Я чувствую, что не уберегу
Волшебный свет любви, связавшей нас,
И образ твой... Тогда на берегу
Большого мира понимаю, что
Любовь и слава... а в конце - ничто.

Элизабет Барретт Браунинг (1806-1861)

Как я люблю тебя? (Сонет 43)

Как я люблю тебя? Дай сосчитать:
До глуби, шири, выси всяких мер,
До края бытия вне зримых сфер,
Куда моя душа смогла достать.
Как то, что нужно каждый день, как свет
Свечи и солнца – тихо, как мечту,
Как любят правду и свободу ту,
В которой о хвалах и мысли нет.

I love thee with the passion put to use
In my old griefs, and with my childhood's faith.
I love thee with a love I seemed to lose
With my lost saints. I love thee with the breath,
Smiles, tears, of all my life; and, if God choose,
I shall but love thee better after death.

Henry Wadsworth Longfellow

A Psalm of Life

What the Heart of the Young Man Said
to the Psalmist

Tell me not, in mournful numbers,
Life is but an empty dream!—
For the soul is dead that slumbers,
And things are not what they seem.

Life is real! Life is earnest!
And the grave is not its goal;
Dust thou art, to dust returnest,
Was not spoken of the soul.

Not enjoyment, and not sorrow,
Is our destined end or way;
But to act, that each to-morrow
Find us farther than to-day.

Art is long, and Time is fleeting,
And our hearts, though stout and brave,
Still, like muffled drums, are beating
Funeral marches to the grave.

In the world's broad field of battle,
In the bivouac of Life,

Всей верой детства, что ушла сейчас
Куда-то со святыми прежних дней,
Дыханьем, страстью, что сроднила нас,
Улыбками, слезами жизни всей,
И, даст Бог, после смерти во сто раз
Тебя любить смогу ещё сильнеей.

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807-1882)

Псалом жизни

Что говорило сердце молодого человека
псалмопевцу

Не тверди мне в виршах скорбных
«Жизнь – мечта пустая лишь!».
Если дремлет дух, бесспорно,
Суть вещей не разглядишь.

Жизнь, как истина, вся в деле,
Что ей гроб и что ей мрак!
Ведь «из праха в прах» - о теле,
О душе не скажешь так.

Не печали нам угодны,
Не блаженство: каждый час
Действуй; дальше, чем сегодня,
Завтра всяк увидит нас.

Мастерства достичь не просто;
Хоть у сердца храбрый вид,
Но, как барабан, за костью
Похоронный марш стучит.

Ты на поле битв всемирном
И на жизненных путях

Be not like dumb, driven cattle!
Be a hero in the strife!

Trust no Future, howe'er pleasant!
Let the dead Past bury its dead!
Act,—act in the living Present!
Heart within, and God o'erhead!

Lives of great men all remind us
We can make our lives sublime,
And, departing, leave behind us
Footprints on the sands of time;

Footprints, that perhaps another,
Sailing o'er life's solemn main,
A forlorn and shipwrecked brother,
Seeing, shall take heart again.

Let us, then, be up and doing,
With a heart for any fate;
Still achieving, still pursuing,
Learn to labor and to wait.

Henry W. Longfellow

A Gleam Of Sunshine

This is the place. Stand still, my steed,
Let me review the scene,
And summon from the shadowy Past
The forms that once have been.

The Past and Present here unite
Beneath Time's flowing tide,
Like footprints hidden by a brook,
But seen on either side.

Не тупой скотиной смирной -
Будь бойцом, забудь про страх!

Прошлое вновь не обрящем!
Путь к Грядущему далёк!
Действуй, действуй в Настоящем!
Сердце бьётся, с нами Бог!

На великих глядя, станем
Строить жизни с ранних лет
И со временем оставим
На песках времён свой след;

На него другой, заблудший
Бедный брат, в борьбе устав,
Набредёт и к жизни лучшей
Обратится увидав.

Так вставай скорей, за дело!
Нам судьба укажет путь;
Цель преследуя, умелым,
Терпеливым, стойким будь.

Генри У. Лонгфелло (1807-1882)

Проблеск солнечного света

Вот это место. Стой, мой конь,
Дай мне на миг присесть,
Из мрака прошлого вернуть
Что раньше было здесь.

Тут Настоящее слилось
С Былым в потоке лет,
Но, скрытый под водой ручья,
В песке заметен след.

Here runs the highway to the town;
There the green lane descends,
Through which I walked to church with thee,
O gentlest of my friends!

The shadow of the linden-trees
Lay moving on the grass;
Between them and the moving boughs,
A shadow, thou didst pass.

Thy dress was like the lilies,
And thy heart as pure as they:
One of God's holy messengers
Did walk with me that day.

I saw the branches of the trees
Bend down thy touch to meet,
The clover-blossoms in the grass
Rise up to kiss thy feet,

"Sleep, sleep to-day, tormenting cares,
Of earth and folly born!"
Solemnly sang the village choir
On that sweet Sabbath morn.

Through the closed blinds the golden sun
Poured in a dusty beam,
Like the celestial ladder seen
By Jacob in his dream.

And ever and anon, the wind,
Sweet-scented with the hay,
Turned o'er the hymn-book's fluttering leaves
That on the window lay.

Вот в город пролегло шоссе;
Вот церковь под горой...
Нежнейшая из всех друзей,
Мы шли туда с тобой!

Тень лип по шёлковой траве
Скользит здесь в свежий день;
Между ними в шелесте листвы
Скользила ты, как тень.

Ты в белом платье тихо шла,
Как лилия чиста,
Как будто Бог послал тебя
Гулять со мной тогда.

Деревьев ветви за тобой
Тянулись нежно вслед,
И клевер поднимался, чтоб
Поцеловать твой след,

«Усните, треволенья, плод
Мирских безумных дел!» -
В субботу утром сельский хор,
Полн вдохновенья, пел.

И были жалюзи, где луч
Пылился на окне,
Как лестница, что увидал
Иаков в вещем сне.

А ветер запах сена нёс
С полей из-за реки,
И осторожно ворошил
Псалтыри лепестки.

Long was the good man's sermon,
Yet it seemed not so to me;
For he spake of Ruth the beautiful,
And still I thought of thee.

Long was the prayer he uttered,
Yet it seemed not so to me;
For in my heart I prayed with him,
And still I thought of thee.

But now, alas! the place seems changed;
Thou art no longer here:
Part of the sunshine of the scene
With thee did disappear.

Though thoughts, deep-rooted in my heart,
Like pine-trees dark and high,
Subdue the light of noon, and breathe
A low and ceaseless sigh;

This memory brightens o'er the past,
As when the sun, concealed
Behind some cloud that near us hangs
Shines on a distant field.

Henry Wadsworth Longfellow

The Arrow and the Song

I shot an arrow into the air,
It fell to earth, I knew not where;
For, so swiftly it flew, the sight
Could not follow it in its flight.

I breathed a song into the air,
It fell to earth, I knew not where;

Молитве не было конца,
Но, вторя той мольбе,
Не о прекрасной Руфи - я
Всё думал о тебе.

И проповедник речь завёл,
Но, вторя той мольбе,
Ему внимая, я тогда
Лишь думал о тебе.

Всё изменилось здесь, увы!
Тебя здесь больше нет.
Исчез с тобой ландшафт тех дней,
Исчез и солнца свет.

И мысль из сердца, как сосна
Темна и высока,
Растёт, и вздох протяжный мой
Ещё звучит пока.

Но память свет далёких лет
Мне льёт сквозь полог туч,
И вдалеке среди полей
Чуть виден солнца луч.

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807-1882)

Стрела и песня

Я в воздух стрелу свою послал,
Но, как найти её, я не знал;
Она так быстро исчезла вдали,
Что глаза уследить не смогли.

Я выдохнул песню, что писал,
Но чего достигла она, не знал;

For who has sight so keen and strong,
That it can follow the flight of song?

Long, long afterward, in an oak
I found the arrow, still unbroke;
And the song, from beginning to end,
I found again in the heart of a friend.

Caroline Elizabeth Sarah Norton

I Do Not Love Thee

I do not love thee!—no! I do not love thee!
And yet when thou art absent I am sad;
 And envy even the bright blue sky above thee,
Whose quiet stars may see thee and be glad.

I do not love thee!—yet, I know not why,
Whate'er thou dost seems still well done, to me:
 And often in my solitude I sigh
That those I do love are not more like thee!

I do not love thee!—yet, when thou art gone,
I hate the sound (though those who speak be dear)
 Which breaks the lingering echo of the tone
Thy voice of music leaves upon my ear.

I do not love thee!—yet thy speaking eyes,
With their deep, bright, and most expressive blue,
 Between me and the midnight heaven arise,
Oftener than any eyes I ever knew.

I know I do not love thee! yet, alas!
Others will scarcely trust my candid heart;
 And oft I catch them smiling as they pass,
Because they see me gazing where thou art.

Да чей же взгляд так остр и силён,
Что за песней последует он?

В ветвях дуба много лет спустя
Нашёл стрелу свою целой я;
А песню всю, строфу за строфой,
Хранил в сердце мой друг дорогой.

Кэролайн Элизабет Сара Нортон (1808-1877)

Я не люблю тебя

Я не люблю тебя! О нет! Я не люблю тебя!
И все же очень грустно мне, когда тебя здесь нет;
 И даже к небу над тобой питаю зависть я,
Чьи звёзды радуясь тебе шлют яркий свет.

Но почему я не люблю тебя, я не пойму,
Ведь, что б ни делал ты, на всё всегда смотрю любя:
 И в одиночестве вздыхаю часто потому,
Что те, кого люблю, лишь копии тебя!

Я не люблю тебя совсем! Но только ты уйдешь,
Я ненавижу звук речей (людей мне дорогих),
 Он разбивает эхо долгое, чей тон хорош:
Твой голос музыкой поёт в ушах моих.

Я не люблю, но вот глаза твои со мною тут,
Их яркий синий свет мне говорит всех слов ясней;
 Меж мной и небесами полночи они встают
Гораздо чаще, чем глаза других людей.

Я твёрдо знаю, что тебя совсем я не люблю.
Но искренностью ведь других ни в чём не убедишь,
 И часто, мимо проходя, улыбку их ловлю,
Все видят: я смотрю туда, где ты стоишь.

Alfred, Lord Tennyson

The Eagle

He clasps the crag with crooked hands;
Close to the sun in lonely lands,
Ring'd with the azure world, he stands.

The wrinkled sea beneath him crawls;
He watches from his mountain walls,
And like a thunderbolt he falls.

Alfred, Lord Tennyson

Break, Break, Break

Break, break, break,
On thy cold gray stones, O Sea!
And I would that my tongue could utter
The thoughts that arise in me.

O, well for the fisherman's boy,
That he shouts with his sister at play!
O, well for the sailor lad,
That he sings in his boat on the bay!

And the stately ships go on
To their haven under the hill;
But O for the touch of a vanish'd hand,
And the sound of a voice that is still!

Break, break, break
At the foot of thy crags, O Sea!

Альфред, Лорд Теннисон (1809-1892)

Орёл

Скала в его кривых когтях.
В лазурных солнечных краях,
В пустыне мира он монарх.

Под ним морщины волн и мыс.
И, оттолкнув горы карниз,
Он молнией несётся вниз.

Альфред, Лорд Теннисон (1809-1892)

Бей, бей, бей

Бей, бей, бей
По серым камням, о море!
О если б язык мой мог произнести
Мысли, возникшие в горе.

Как сыну рыбака хорошо:
С сестрой он смеётся игриво!
О, как хорошо там матросу сейчас,
Что в лодке поёт в заливе!

Торжественно корабли плывут,
Им гавань покой обещает;
Но, о! Рука его ещё тут, со мной,
Голос звучать продолжает!

Бей, бей, море, бей,
Пока скала не содрогнётся!

But the tender grace of a day that is dead
Will never come back to me.

Alfred Lord Tennyson

Nothing Will Die

When will the stream be awearry of flowing
Under my eye? When will the wind be awearry of blowing
Over the sky? When will the clouds be awearry of fleeting?
When will the heart be awearry of beating? And nature die?
Never, oh! never, nothing will die?
The stream flows,
The wind blows,
The cloud fleets,
The heart beats,
Nothing will die.

Nothing will die;
All things will change
Through eternity.
'Tis the world's winter;
Autumn and summer
Are gone long ago;
Earth is dry to the centre,
But spring, a new comer,
A spring rich and strange,
Shall make the winds blow
Round and round,
Through and through,
Here and there,
Till the air
And the ground
Shall be filled with life anew.
The world was never made;
It will change, but it will not fade.

Но нежная благость умершего дня
Уже ко мне не вернётся.

Альфред, лорд Теннисон (1809-1892)

Ничто не умрёт

Разве вод потоки устанут течь когда-нибудь
Перед моими глазами? И ветер устанет дуть?
И разве когда-нибудь облака устанут лететь?
Разве сердце устанет биться? Природа умрёт?
Никогда, о! никогда ничто не умрёт.
Ручей течёт,
Ветер тучу несёт,
И она несётся,
Сердце бьётся,
Ничто не умрёт.

Ничто не умрёт;
Всё будет меняться
Вечно.
Сейчас льдинки на окнах;
Осень и лето
Далеко где-нибудь;
Земля насквозь просохла,
Но весна света
Сильна и не станет стесняться,
Заставит ветры дуть
Снова и снова,
По лесам, по полям,
Тут и там,
Пока воздух, земля,
Все леса и поля
Не наполнятся жизнью новой.
Миру нет нужды создаваться:
Он не сгинет, но будет меняться.

So let the wind range;
For even and morn
Ever will be
Through eternity.
Nothing was born;
Nothing will die;
All things will change.

Alfred, Lord Tennyson

Crossing the Bar

Sunset and evening star,
And one clear call for me!
And may there be no moaning of the bar,
When I put out to sea,

But such a tide as moving seems asleep,
Too full for sound and foam,
When that which drew from out the boundless deep
Turns again home.

Twilight and evening bell,
And after that the dark!
And may there be no sadness of farewell,
When I embark;

For tho' from out our bourne of Time and Place
The flood may bear me far,
I hope to see my Pilot face to face
When I have crost the bar.

Так пусть ветер дует,
Чтоб сердце билось.
И утро и вечер
Пребудут вечно.
Ничто не родилось;
Ничто не умрёт,
Лишь изменяться будет.

Альфред, Лорд Теннисон (1809-1892)

Пересекая мель

Закат. Вечерняя звезда,
Она зовёт меня!
И пусть мель даже не вздохнёт, когда
Отчалию я.

Для звуков и для пены слишком полн
Залив спит предо мной.
Отлив того, кто взят из бездны волн,
Вернёт домой.

Замолкнет колокол, и тьмы
Настанет вечный час.
И пусть без горечи простимся мы,
Покину вас.

Хоть я уйдя пребуду в мире впредь
Без миль и без недель,
Сподоблюсь, может, Кормчего узреть,
Пересекая мель.

1889

(см. комментарии в разделе «Статьи» на этом сайте)

Edgar Allan Poe

Alone

From childhood's hour I have not been
As others were—I have not seen
As others saw—I could not bring
My passions from a common spring—
From the same source I have not taken
My sorrow—I could not awaken
My heart to joy at the same tone—
And all I lov'd—I lov'd alone—
Then—in my childhood—in the dawn
Of a most stormy life—was drawn
From ev'ry depth of good and ill
The mystery which binds me still—
From the torrent, or the fountain—
From the red cliff of the mountain—
From the sun that 'round me roll'd
In its autumn tint of gold—
From the lightning in the sky
As it pass'd me flying by—
From the thunder, and the storm—
And the cloud that took the form
(When the rest of Heaven was blue)
Of a demon in my view—

Edgar Allan Poe

Evening Star

'Twas noontide of summer,
And mid-time of night;

Эдгар Аллан По (1809-1849)

В одиночестве

Я с самых ранних лет был не такой,
Как все другие дети, и порой
Не как другие видел и судил,
У чувств моих другой источник был.
Не так, как все, умел смеяться я,
Для радости и горя у меня
С другими общих не было причин,
И все, что я любил, - любил один.
Тогда-то, в раннем детстве, в тишине,
Вначале жизни и явилась мне
Из самой глубины добра и зла
Та тайна, что с тех пор всегда была
Со мной – рядом с фонтаном и ручьём,
И на обрыве красных гор крутом,
И в солнце, что катилось в небесах,
В осенних раззолоченных лесах,
И в молнии внезапно надо мной
Летающей мимо огненной стрелой,
Всё осветившей ярко – дом и луг,
И в туче грозовой, возникшей вдруг;
Она по синеве плыла одна,
На демона похожа и страшна...

Эдгар Аллан По (1809-1849)

Вечерняя звезда

Стоял полдень лета,
Был полночи час,

And stars, in their orbits,
Shone pale, thro' the light
Of the brighter, cold moon,
'Mid planets her slaves,
Herself in the Heavens,
Her beam on the waves.
I gazed awhile
On her cold smile;
Too cold- too cold for me-
There pass'd, as a shroud,
A fleecy cloud,
And I turned away to thee,
Proud Evening Star,
In thy glory afar,
And dearer thy beam shall be;
For joy to my heart
Is the proud part
Thou bearest in Heaven at night,
And more I admire
Thy distant fire,
Than that colder, lowly light.

Edgar Allan Poe

Lines on Ale

Filled with mingled cream and amber,
I will drain that glass again.
Such hilarious visions clamber
Through the chamber of my brain.
Quaintest thoughts, queerest fancies
Come to life and fade away.
What care I how time advances;
I am drinking ale today.

И звезды мерцали
Далёко от нас
Сквозь яркий, холодный
Свет полной луны;
Планеты из свиты
Чуть были видны;
Светил в море из туч,
Лохматых, громадных,
Как саван, прохладных,
Мертвенный луч.
Мне стало не по себе,
И я повернулся к тебе,
Звезда, что с заката видна
На небе, горда и славна.
Будь мне опорой в судьбе,
Дай сердцу покой.
Из дали такой
Ты шлешь мне привет!
Пусть луч твой слабей,
Но в сто раз нежней,
Чем мертвенный лунный свет.

Эдгар Аллан По (1809-1849)

Строки на эле

*)

Стакан янтаря и сливок
Я осушу еще раз.
Сколько видений игривых
В мозгу оживает сейчас!
Одну другой чуднее
Мысли рождает хмель.
Время? Есть вещи важнее:
Сегодня я пью эль.

*) Написано в уплату за угощение в баре

Emily Brontë

Remembrance

Cold in the earth—and the deep snow piled above thee,
Far, far removed, cold in the dreary grave!
Have I forgot, my only Love, to love thee,
Severed at last by Time's all-severing wave?

Now, when alone, do my thoughts no longer hover
Over the mountains, on that northern shore,
Resting their wings where heath and fern-leaves cover
Thy noble heart forever, ever more?

Cold in the earth—and fifteen wild Decembers,
From those brown hills, have melted into spring:
Faithful, indeed, is the spirit that remembers
After such years of change and suffering!

Sweet Love of youth, forgive, if I forget thee,
While the world's tide is bearing me along;
Other desires and other hopes beset me,
Hopes which obscure, but cannot do thee wrong!

No later light has lightened up my heaven,
No second morn has ever shone for me;
All my life's bliss from thy dear life was given,
All my life's bliss is in the grave with thee.

But, when the days of golden dreams had perished,
And even Despair was powerless to destroy,
Then did I learn how existence could be cherished,
Strengthened, and fed without the aid of joy.

Then did I check the tears of useless passion—
Weaned my young soul from yearning after thine;

Эмили Бронте (1818-1848)

Память

Снегом глубоким покрыта могила твоя,
Холодно там под унылой тяжёлой плитой!
Разве забыла тебя, мой единственный, я,
Если тебя увлекло Время мощной волной?

Разве теперь, в одиночестве, мысли мои
Не над горами, на северном том берегу,
Где теперь вереск зелёный и комья земли
Сердце твоё благородное там берегут?

Холодно так - и пятнадцать лихих декаблей,
С бурых холмов растеклись, как вода по весне:
Верен, воистину, дух – с каждым годом верней,
Выдержав всё, что на долю выпало мне!

Юности нежной любовь! Ты прости меня, здесь
Я вся во власти того, что диктует мне свет;
Сколько надежд и желаний во мне ещё есть -
Новых, неясных, но как яростно памяти свет!

Солнце всей жизни моей потускнело давно,
Утро уже не взойдёт для меня второй раз;
Жизни блаженство тобою мне было дано,
Жизни блаженство осталось там, где ты сейчас.

Когда отчаянью нечего стало губить,
Когда все дни золотых снов ушли навсегда,
Существование я научилась ценить,
Даже когда в жизни радости нет и следа.

Слезы я стёрла своих бесполезных страстей
И свою юную душу сумела спасти;

Sternly denied its burning wish to hasten
Down to that tomb already more than mine.

And, even yet, I dare not let it languish,
Dare not indulge in memory's rapturous pain;
Once drinking deep of that divinest anguish,
How could I seek the empty world again?

Emily Bronte

Song

The linnet in the rocky dells,
The moor-lark in the air,
The bee among the heather bells
That hide my lady fair:

The wild deer browse above her breast;
The wild birds raise their brood;
And they, her smiles of love caressed,
Have left her solitude!

I ween, that when the grave's dark wall
Did first her form retain,
They thought their hearts could ne'er recall
The light of joy again.

They thought the tide of grief would flow
Unchecked through future years;
But where is all their anguish now,
And where are all their tears?

Well, let them fight for honour's breath,
Or pleasure's shade pursue--
The dweller in the land of death
Is changed and careless too.

Строго я ей запретила стремиться скорей
В эту могилу, что стала моею почти.

Я запретила томиться несчастной душой,
Чувств идеальных восторги и боль вспоминать;
Ведь, насладившись тоскою счастливой, уже
Нечего будет мне в мире пустынном искать.

Эмили Бронте (1818-1848)

Песня

Пчела средь вереска ветвей
И в воздухе стрижи
Скрывают красоту моей
Любимой госпожи:

Олень пасётся на груди,
И птицы гнёзда вьют;
Кто мимо не давал пройти,
Её забыли тут!

Пока могилы темнота
Её хранила лик,
Казалось, радость никогда
К ним не придёт на миг.

И будет скорбь всечасно вновь
Их омрачать сердца;
Но где сейчас вся их любовь
И слезы без конца?

Что ж, дайте жить им без проблем
И славы тень любя...
Не чужд и мёртвый перемен
И не хранит себя.

And, if their eyes should watch and weep
Till sorrow's source were dry,
She would not, in her tranquil sleep,
Return a single sigh!

Blow, west-wind, by the lonely mound,
And murmur, summer-streams--
There is no need of other sound
To soothe my lady's dreams.

Emily Brontë

Eight short poems

1. All hushed and still within the house

All hushed and still within the house;
Without – all wind and driving rain;
But something whispers to my mind,
Through rain and through the wailing wind,
Never again.
Never again? Why not again?
Memory has power as real as thine.

2. O come with me

O come with me, thus ran the song,
The moon is bright in Autumn's sky,
And thou hast toiled and laboured long
With aching head and weary eye.

3. Had there been falsehood in my breast

Had there been falsehood in my breast
No thorns had marred my road,

Источник слёз иссяк вполне,
Раз горе не гнетёт,
Она ведь тоже в тихом сне
И бровью не ведёт!

Песнь ветра и ручья уже
Другие не нужны
Моей любимой госпоже,
Чтоб спать и видеть сны.

Эмили Бронте (1818-1848)

Восемь коротких стихотворений

1 . Молчанье. В доме тишина

Молчанье. В доме тишина.
Хоть ветра вой и шум дождя,
Если слышны, то лишь едва,
В мозгу моём звучат слова:
«Всё. Никогда».
Как, никогда? Что, никогда?..
Но память, как твоя, тверда.

2. Пойдем со мной

Пойдем со мной, так пела песнь:
Луна в осенних небесах!
Но ты трудясь остался здесь -
Глаза устали, боль в висках.

3 . Была бы ложь в моей груди

Была бы ложь в моей груди -
Мой дух бы сохранял покой,

This spirit had not lost its rest,
These tears had never flowed.

4. She dried her tears, and they did smile

She dried her tears, and they did smile
To see her cheeks' returning glow;
Nor did discern how all the while
That full heart throbbed to overflow.
With that sweet look and lively tone,
And bright eye shining all the day,
They could not guess, at midnight lone
How she would weep the time away.

5. What winter floods, what showers of spring

What winter floods, what showers of spring
Have drenched the grass by night and day;
And yet, beneath, that spectre ring,
Unmoved and undiscovered lay
A mute remembrancer of crime,
Long lost, concealed, forgot for years,
It comes at last to cancel time,
And waken unavailing tears.

6. Long neglect has worn away

Long neglect has worn away
Half the sweet enchanting smile;
Time has turned the bloom to grey;
Mould and damp the face defile.
But that lock of silky hair,
Still beneath the picture twined,
Tells what once those features were,
Paints their image on the mind.

Шипы не ждали б впереди
И слезы не текли рекой.

4 .Смеялись все

Смеялись все, когда она
Слезу смахнула, хороша.
Никто не понял, как полна,
Напряжена её душа.
Так мил был взгляд и жив был тон...
Кому ж, скажи, на ум придёт,
Что у себя она потом
Рыдает ночи напролёт.

5 . Залили зимней ночью, вешним днём

Залили зимней ночью, вешним днём
Дожди и паводки зелёный склон,
И всё ж под этим призрачным кольцом
Лежит невидим, неподвижен он -
Злых дел свидетель, что нельзя простить.
Потерян и забыт который год,
Он встанет, чтобы время отменить,
И дать слезам беспомощным исход.

6 . Очаровательной улыбки стёрло след

Очаровательной улыбки стёрло след
Пренебрежение всех прожитых годов;
Цветущее лицо покрыл унылый цвет
Теней и плесени запущенных углов.
Но шелковистый локон виден ясно сквозь
Картину разрушенья, и родит в душе
Видение, что существует ныне врозь
С реальностью, другим не видное уже.

Fair the hand that traced that line,
'Dearest, ever deem me true';
Swiftly flew the fingers fine
When the pen that motto drew.

7. It will not shine again

It will not shine again:
Its sad course is done;
I have seen the last ray wane
Of the cold, bright sun.

8. I know not how it falls on me

I know not how it falls on me,
This summer evening, hushed and lone;
Yet the faint wind comes soothingly
With something of an olden tone.
Forgive me if I've shunned so long
Your gentle greeting, earth and air!
But sorrow withers even the strong,
And who can fight against despair?

Walt Whitman

A Noiseless Patient Spider

A noiseless patient spider,
I mark'd where on a little promontory it stood isolated,
Mark'd how to explore the vacant vast surrounding,
It launch'd forth filament, filament, filament, out of itself,
Ever unreeling them, ever tirelessly speeding them.

And you O my soul where you stand,
Surrounded, detached, in measureless oceans of space,
Ceaselessly musing, venturing, throwing, seeking the spheres to connect them,

Но не ему, он с ним давно уже знаком ...
- "Любовь моя, скажи, себя узнаю я?"
Летают его пальцы быстро над холстом,
Рука наносит её имя на поля.

7. Путь кончен. Коснулось земли

Путь кончен. Коснулось земли
И скрылось печально среди туч;
Последний взметнулся вдали
Холодного солнца луч.

8. Не заметил я, как уже

Не заметил я, как уже
Летний вечер пал, скромн и сер;
Ветерок дал покой душе
На какой-то старинный манер.
О земля и воздух! Мне жаль,
Что забыл вашу я благодать:
И сильного сушит печаль,
А с отчаяньем как совладать?

Уолт Уитмен (1819-1892)

Терпеливый бесшумный паук

Терпеливый бесшумный паук...
Я заметил как он стоял один на маленькой крыше
И как, чтобы исследовать широкую свободную среду,
Он выбрасывал из себя нить, нить, нить,
Всё время разматывая, без усталости подгоняя её.

И ты, о душа моя, ты стоишь,
Окруженная, изолированная безбрежными океанами
вселенной,

Till the bridge you will need be form'd, till the ductile anchor hold,
Till the gossamer thread you fling catch somewhere, O my soul.

Christina Rossetti

Remember

Remember me when I am gone away,
Gone far away into the silent land;
When you can no more hold me by the hand,
Nor I half turn to go yet turning stay.
Remember me when no more day by day
You tell me of our future that you plann'd:
Only remember me; you understand
It will be late to counsel then or pray.
Yet if you should forget me for a while
And afterwards remember, do not grieve:
For if the darkness and corruption leave
A vestige of the thoughts that once I had,
Better by far you should forget and smile
Than that you should remember and be sad.

Christina Rossetti

Echo

Come to me in the silence of the night;
Come in the speaking silence of a dream;
Come with soft rounded cheeks and eyes as bright
As sunlight on a stream;
Come back in tears,
O memory, hope, love of finished years.

Постоянно размышляя, рискуя, наводя мосты и ища сферы,
чтобы соединиться с ними,
Пока не будет построен нужный тебе мост, пока гибкий
якорь не схватит почву,
Пока паутина, которую ты выпускаешь, не уловит что-то, о
душа моя!

Кристина Россетти (1830-1894)

Помни

Не забывай меня, когда скажу «прости!»,
Навек в страну молчанья уходя,
Когда за руку взять не сможешь ты меня,
Как в миг, когда готовилась уйти.
Когда не сможешь мне сулить опять,
Как хорошо нам будет жить вдвоём.
Лишь помни обо мне; поймёшь потом:
Молиться поздно, поздно размышлять.
А если и забудешь, не стыдись -
Припомнишь после, нет забвенья тут.
Но если тьма и разложение верх возьмут,
И моих мыслей потеряешь нить,
Уж лучше позабудь и улыбнись,
Чем вспоминать туманно и грустить.

Кристина Россетти (1830-1894)

Эхо

Жду тебя в этот тихий ночной час;
В тихий сон влети на лунном луче -
С нежной щёк округлостью, светом глаз,
Как солнца свет на ручье.
О, слёз этих свет!
О, память, любовь, надежда тех лет,

Oh dream how sweet, too sweet, too bitter sweet,
Whose wakening should have been in Paradise,
Where souls brimfull of love abide and meet;
Where thirsting longing eyes
Watch the slow door
That opening, letting in, lets out no more.
Yet come to me in dreams, that I may live
My very life again though cold in death:
Come back to me in dreams, that I may give
Pulse for pulse, breath for breath:
Speak low, lean low,
As long ago, my love, how long ago!

Emily Dickinson

“Hope” is the thing with feathers

“Hope” is the thing with feathers -
That perches in the soul -
And sings the tune without the words -
And never stops - at all -

And sweetest - in the Gale - is heard -
And sore must be the storm -
That could abash the little Bird
That kept so many warm -

I’ve heard it in the chillest land -
And on the strangest Sea -
Yet - never - in Extremity,
It asked a crumb - of me.

John James Ingalls

Opportunity

Сладкий сон, о, до горечи сладкий сон,
Что в раю лишь закончиться может вполне.
Там разбудит души влюблённые он
И глаза, что ждали во сне,
Как медленно дверь
Откроется, чтобы свести их теперь.
Приходи во сне, чтобы мог я опять
Свою жизнь прожить, хоть смерть холодна;
Вернись в моих снах, чтобы мог я отдать
Пульс за пульс, вдох за вздох – до дна;
Говори тихо, голову наклоня,
Как раньше, о, как давно, любовь моя!

Эмили Дикинсон (1830-1886)

«Надежда» - что-то в перьях

«Надежда» - что-то в перьях, что
В душе моей поёт -
Одни мелодии без слов -
И не перестает -

И - в Бурю – песню спеть она -
Сладчайшую могла -
Хоть птенчика легко смутить -
А сколько в нём тепла!

Поёт в неведомых морях -
И там, где снег и льды, -
И даже крошки - никогда -
Не попросит за труды.

Джон Джеймс Ингаллс (1833-1900)

Шанс

Master of human destinies am I;
Fame, love and fortune on my footsteps wait.
Cities and fields I walk. I penetrate
Deserts and seas remote, and, passing by
Hovel and mart and palace, soon or late,
I knock unbidden once at every gate.

If sleeping, wake; if feasting, rise, before
I turn away. It is the hour of fate,
And they who follow me reach every state
Mortals desire, and conquer every foe
Save death; but those who hesitate
Condemned to failure, penury and woe,
Seek me in vain, and uselessly implore.
I answer not, and I return no more.

Henry Scott-Holland

Death Is Nothing At All

Death is nothing at all.
It does not count.
I have only slipped away into the next room.
Nothing has happened.

Everything remains exactly as it was.
I am I, and you are you,
and the old life that we lived so fondly together is untouched,
unchanged.
Whatever we were to each other, that we are still.

Call me by the old familiar name.
Speak of me in the easy way which you always used.
Put no difference into your tone.
Wear no forced air of solemnity or sorrow.

Судьбы людские в руках у меня;
Я постоянно в пути, – по полям,
По городам, по горам, по морям -
Славу, любовь и удачу неся.
Раньше иль позже – дворец ли, шалаш -
Я в дверь любую стучу не спросясь.

Коль спишь, проснись; разлётся – встань кряхтя,
Нето уйду. Настал великий час!
Тот, кто со мной, достигнет в этот раз
Всего, что хочет смертный для себя,
Избегнет гибели; а жалкий трус
Терпеть невзгоды будет век скорбя.
Напрасно будет умолять меня:
Не слышу и не возвращаюсь я.

Генри Скотт-Холланд (1847-1918)

Смерть- это вообще ничто

Смерть - это вообще ничто.
Она не в счет.
Я только ускользнул в соседнюю комнату.
Ничего не случилось.

Все осталось так, как было.
Я – это я, а ты – это ты,
и прежняя жизнь, которую мы так нежно прожили вместе,
осталась нетронутой, неизменной.
Чем бы мы ни были друг для друга, такими мы и остаёмся.

Зови меня старым знакомым именем.
Говори обо мне так же легко, как всегда.
Не меняй тона.
Не ходи с навязчивым видом торжественности или печали.

Laugh as we always laughed at the little jokes that we enjoyed together.
Play, smile, think of me, pray for me.
Let my name be ever the household word that it always was.
Let it be spoken without an effort, without the ghost of a shadow upon it.

Life means all that it ever meant.
It is the same as it ever was.
There is absolute and unbroken continuity.
What is this death but a negligible accident?

Why should I be out of mind because I am out of sight?
I am but waiting for you, for an interval,
somewhere very near,
just round the corner.

All is well.
Nothing is hurt; nothing is lost.
One brief moment and all will be as it was before.
How we shall laugh at the trouble of parting when we meet again!

William Ernest Henley

Invictus

Out of the night that covers me,
Black as the pit from pole to pole,
I thank whatever gods may be
For my unconquerable soul.
In the fell clutch of circumstance
I have not winced nor cried aloud.
Under the bludgeonings of chance
My head is bloody, but unbowed.

Смейся, как мы всегда смеялись над маленькими шутками,
которые нам вместе нравились.
Играй, улыбайся, думай обо мне, молись за меня.
Пусть мое имя будет привычным, каким было всегда.
Пусть оно произносится без усилия, без тени печали.

Жизнь означает всё, что она когда-либо означала.
Она такая же, как всегда.
Есть абсолютная и непрерывная преемственность.
Что такое смерть, как не незначительный инцидент?

Почему я должен быть забыт, просто потому что я вне поля
зрения?
Я только жду тебя пока
где-то совсем рядом,
просто за углом.

Всё хорошо.
Никто не пострадал; ничто не потеряно.
Один короткий момент - и всё будет, как было раньше.
Как мы будем смеяться над проблемами разлуки, когда
встретимся снова!

Уильям Эрнест Хенли (1849-1903)

Invictus

*)

Ночь надо мной простёрла мрак,
Но всех богов благодарю
Я, погружённый в тьму и прах,
За душу храбрую мою.
Когда неважно шли дела,
Я не стенал и не дрожал.
Хоть голова в крови была,
Её ни разу не склонял.

Beyond this place of wrath and tears
Looms but the Horror of the shade,
And yet the menace of the years
Finds and shall find me unafraid.
It matters not how strait the gate,
How charged with punishments the scroll,
I am the master of my fate,
I am the captain of my soul.

Ella Wheeler Wilcox

Solitude

Laugh, and the world laughs with you;
Weep, and you weep alone;
For the sad old earth must borrow its mirth,
But has trouble enough of its own.
Sing, and the hills will answer;
Sigh, it is lost on the air;
The echoes bound to a joyful sound,
But shrink from voicing care.

Rejoice, and men will seek you;
Grieve, and they turn and go;
They want full measure of all your pleasure,
But they do not need your woe.
Be glad, and your friends are many;
Be sad, and you lose them all,—
There are none to decline your nectared wine,
But alone you must drink life's gall.

Feast, and your halls are crowded;
Fast, and the world goes by.
Succeed and give, and it helps you live,

За гранью мира зла и слёз
Тень Ужаса скрывает вид,
И лет череда грозит всерьёз.
Но душу страхом не смутит
И суд - суров как ни был бы
За самой узкой из дверей.
Я – властелин своей судьбы,
Я – капитан души моей.

*) Invictus – непобедимый (лат.)

Элла Уиллер Уилкоккс (1850-1919)

Одиночество

Смейся, и мир смеётся с тобой,
К рыданиям он глух совсем;
Веселье мир рад занять у тебя:
У него хватает проблем.
Пой, и тебе ответят холмы,
Вздохи поглотит эфир;
Эхо подхватит радостный крик,
Но плача не слышит мир.

Радуйся, люди тебя найдут,
Но скорбь обойдут, как чуму;
Твоё удовольствие – радость для всех,
Но горе им ни к чему.
Радуйся, будет много друзей;
Печален? Зачем ты друзьям?
Никто не откажется от вина,
Но жизни желчь выпьешь сам.

В праздник залы твои полны;
Постишься? Кто ж любит говеть?
Ты им раздаёшь? Разберут, но никто

But no man can help you die.
There is room in the halls of pleasure
For a large and lordly train,
But one by one we must all file on
Through the narrow aisles of pain.

Ella Wheeler Wilcox

Life's Scars

They say the world is round, and yet
I often think it square,
So many little hurts we get
From corners here and there.
But one great truth in life I've found,
While journeying to the West-
The only folks who really wound
Are those we love the best.

The man you thoroughly despise
Can rouse your wrath, 'tis true;
Annoyance in your heart will rise
At things mere strangers do;
But those are only passing ills;
This rule all lives will prove;
The rankling wound which aches and thrills
Is dealt by hands we love.

The choicest garb, the sweetest grace,
Are oft to strangers shown;
The careless mien, the frowning face,
Are given to our own.
We flatter those we scarcely know,
We please the fleeting guest,
And deal full many a thoughtless blow
To those who love us best.

Не сможет помочь умереть.
На празднике места много для всех,
В карете всем по пути,
Но в узких проходах боли с тобой
Никто не будет идти.

Элла Уиллер Уилкоккс (1850-1919)

Шрамы жизни

Твердят, что мир кругл, но пока
Похож он всё ж на квадрат:
Так много ран исподтишка
В углах его нам грозят.
На Запад идя, я нашла,
За жизнь пройдя много веx:
Больнее всех рана была
От тех, кто любимей всех.

Тот, кто презираем тобой,
Не скрою, может взбесить,
Дела незнакомцев порой
Нам нелегко выносить;
Всё это проходит легко
(Что жизнь докажет шутя),
Но могут пронзить глубоко
Любимых руки тебя.

Всю грацию, лучший наряд
При людях явим чужих,
Беспечность и сумрачный взгляд -
Это для близких одних.
Не зная прищельца совсем,
Мы льстим, ласкаем, а тех
Не думая раним затем,
Кто любит нас больше всех.

Love does not grow on every tree,
Nor true hearts yearly bloom.
Alas for those who only see
This cut across a tomb!
But, soon or late, the fact grows plain
To all through sorrow's test:
The only folks who give us pain
Are those we love the best.

Ella Wheeler Wilcox

Love's Language

How does Love speak?
In the faint flush upon the telltale cheek,
And in the pallor that succeeds it; by
The quivering lid of an averted eye--
The smile that proves the parent to a sigh
Thus doth Love speak.

How does Love speak?
By the uneven heart-throbs, and the freak
Of bounding pulses that stand still and ache,
While new emotions, like strange barges, make
Along vein-channels their disturbing course;
Still as the dawn, and with the dawn's swift force--
Thus doth Love speak.

How does Love speak?
In the avoidance of that which we seek--
The sudden silence and reserve when near--
The eye that glistens with an unshed tear--
The joy that seems the counterpart of fear,
As the alarmed heart leaps in the breast,
And knows, and names, and greets its godlike guest--

Сердца друзей редко цветут,
Любовь - не плод на кусте;
Жаль тех, кто о том узнаёт,
Лишь на могильной плите!
Но годы пройдут, и поймёшь,
Познав и крах и успех:
Тот только вонзить может нож,
Кто был любимей всех.

Элла Уиллер Уилкокс (1850-1919)

Язык Любви

Каков Любви язык?
Румянец лёгкий на щеках возник,
Ео сменяет бледность каждый раз;
Дрожанье век и беспокойство глаз,
Улыбка, вздох – всё ясно тут для нас:
Вот он, Любви язык.

Каков Любви язык?
Сердцебиенье сильное и тик,
Пульс замер, душно и щемит в груди,
И чувства новые в нас потекли
Волной внезапной, ей преграды нет
(Так вспыхивает среди туч рассвет) -
Вот он, Любви язык.

Каков Любви язык?
Всего боимся, хоть соблазн велик,
С любимым рядом мы теряем дух,
Глаза блестят слезой, язык же сух,
И в счастье страх охватывает вдруг,
И сердце в грудь стучит: смогло назвать
Божественного гостя и принять.

Thus doth Love speak.

How does Love speak?

In the proud spirit suddenly grown meek--
The haughty heart grown humble; in the tender
And unnamed light that floods the world with splendor;
In the resemblance which the fond eyes trace
In all fair things to one beloved face;
In the shy touch of hands that thrill and tremble;
In looks and lips that can no more dissemble--
Thus doth Love speak.

How does Love speak?

In the wild words that uttered seem so weak
They shrink ashamed in silence; in the fire
Glance strikes with glance, swift flashing high and higher,
Like lightnings that precede the mighty storm;
In the deep, soulful stillness; in the warm,
Impassioned tide that sweeps through throbbing veins,
Between the shores of keen delights and pains;
In the embrace where madness melts in bliss,
And in the convulsive rapture of a kiss--
Thus doth Love speak.

Robert Louis Stevenson

The Moon

The moon has a face like the clock in the hall;
She shines on thieves on the garden wall,
On streets and fields and harbour quays,
And birdies asleep in the forks of the trees.

The squalling cat and the squeaking mouse,
The howling dog by the door of the house,
The bat that lies in bed at noon,

Вот он, Любви язык.

Каков Любви язык?

Наш гордый дух в душе внезапно стих,
Надменное смирилось сердце; свет
Неведомый заполнил целый свет,
И всё прекрасное, что есть вокруг,
В лице любимом замечаем вдруг.
Прикосновенья робки, дрожь в руках,
Движенья, губы скрыть не могут страх.
Вот он, Любви язык.

Каков Любви язык?

Стыд диких слов так сладок и велик,
Но где же сила их? Какой-то вздор!
Горит лицо, и взор сжигает взор
В бушующем, сияющем огне,
И молнии сверкают в тишине.
Страданий, радости течёт река,
Волною затопляя берега.
Безумие объятий, милых уст
Внезапный поцелуй и нежный вкус.
Вот он, Любви язык.

Роберт Луи Стивенсон (1850-1894)

Луна

Лицо у луны, как часы на стене;
На вора в саду, на цветы на окне,
На птичек, уснувших на ветках в ночи,
На улицы, гавань она льёт лучи.

Кот ночью мяучит и мышка пищит,
А пёс, на луну воя, цепь ворошит;
Летучая мышь день успела проспять.

All love to be out by the light of the moon.

But all of the things that belong to the day
Cuddle to sleep to be out of her way;
And flowers and children close their eyes
Till up in the morning the sun shall arise.

William Butler Yeats

Long-Legged Fly

That civilisation may not sink,
Its great battle lost,
Quiet the dog, tether the pony
To a distant post.
Our master Caesar is in the tent
Where the maps are spread,
His eyes fixed upon nothing,
A hand upon his head.

Like a long-legged fly upon the stream
His mind moves upon silence.

That the topless towers be burnt
And men recall that face,
Move most gently if move you must
In this lonely place.
She thinks, part woman, three parts a child,
That nobody looks; her feet
Practise a tinker shuffle
Picked up on the street.

Like a long-legged fly upon the stream
Her mind moves upon silence.

При свете луны они любят гулять.

Но, кто привык к свету дневному, все те,
Свернувшись калачиком, спят в темноте;
Цветы и ребята ушли на покой,
Пока не взойдёт солнце снова с зарёй.

Уильям Батлер Йейтс (1865-1939)

Длинноногая муха

*)

Эта цивилизация не может погибнуть,
Её великая битва предрешена.
Собака спокойна, лошадка привязана
Неподалёку.
Наш властелин Цезарь в шатре,
Где разложены карты;
Его глаза устремлены в пространство,
Рука за головой.

Как длинноногая муха над ручьём,
Его мысль движется в тишине.

Чтобы высокие башни были сожжены,
Чтобы мужчины вспоминали это лицо,
Двигайтесь очень осторожно, если вы вообще должны двигаться
В этом уединённом месте.
Она думает – на четверть женщина, на три четверти ребёнок,
Что никто на неё не смотрит; её ноги
Повторяют движения лудильщика,
Шаркающего по улице.

Как длинноногая муха над ручьём,
Её мысль движется в тишине.

That girls at puberty may find
The first Adam in their thought,
Shut the door of the Pope's chapel,
Keep those children out.
There on that scaffolding reclines
Michael Angelo.
With no more sound than the mice make
His hand moves to and fro.

Like a long-legged fly upon the stream
His mind moves upon silence.

Чтобы девочки в период полового созревания могли увидеть
Первого Адама в их мыслях,
Закройте дверь капеллы Папы,
Не подпускайте этих детей.
Там на лесах полулежит
Микеланджело.
Тише звука, издаваемого мышью,
Его рука движется взад и вперёд.

Как длинноногая муха над ручьём,
Его мысль движется в тишине.

*) муха-зеленушка

Краткий анализ классического стихотворения Йейтса (доктор Оливер Тирл)

«Длинноногая муха» - одно из великих стихотворений о тишине. Молчание можно найти и в других произведениях Йейтса - например, в «Озёрном острове Иннисфри» он жаждет сбежать на спокойный остров, упомянутый в названии этого стихотворения, но, по словам самого Йейтса, «Длинноногая муха» - о том, как мысль движется в тишине.

«Длинноногая муха» - о роли, которую молчание играет в воспитании великих людей: военная тактика, красота и художественное творчество рассматриваются в каждой из трёх строф стихотворения. Каждому из этих качеств соответствует человек из истории или мифа: Юлий Цезарь (военная тактика), Елена Троянская (красота) и Микеланджело (художественное творчество).

В первой строфе Йейтс сосредотачивается на Юлии Цезаре, лидере Римской империи, когда он планирует свою военную стратегию. Сама цивилизация опирается на победу Цезаря в битве. Собака молчит, а пони привязывают подальше, чтобы не беспокоить Цезаря, сидящего в задумчивости.

Во второй строфе мы переходим к Елене Троянской, о чём свидетельствует ссылка в первой строке на «сожженные высокие башни», намёк на «Доктора Фауста» Кристофера Марло и слова Фауста о Елене Троянской: «Из-за этого лица были спущены на воду тысяча кораблей / И сожжены высокие башни Илиона?» Ещё юная («на три четверти ребёнок»), Елена отличается от Цезаря (несмотря на их общие роли в развязывании войн): пока он сидит и думает о своей следующей битве, Елена «думает... / Что никто не смотрит на неё», и ключ к её бесхитроственному искусству - в отсутствии самосознания.

В третьей и последней строфе мы переходим к Микеланджело, который усердно расписывал потолок Сикстинской капеллы в эпоху Возрождения. Детей нужно держать в стороне, чтобы великий художник мог работать в тишине. Микеланджело изображен лежащим на строительных лесах ..., тихо работающим над своим великим шедевром «Сотворение Адама».

Любопытно проанализировать, как строится «Длинноногая муха». Все эти краткие размышления о природе молчания в формировании истории и мифа связаны между собой: военный замысел Цезаря растворяется в культивировании скромной красоты Елены, что приведёт к ещё одному военному сражению, в то время как образ юной Елены сливается с восхищенными девушками в подростковом возрасте перед «Адамом» Микеланджело в заключительной строфе. И каждая из трёх строф заканчивается двумя одинаковыми строками:

Как длинноногая муха над ручьем

Его мысль движется в тишине.

(Хотя, конечно, «его» - это «её» в средней строфе о Елене Троянской.) Йейтс, похоже, отстаивает роль, которую тихая медитация и полная сосредоточенность играют в работе великих людей, будь то военные генералы, красивые женщины или талантливые художники. И, конечно же, в

заключительной части «Сотворения Адама» Микеланджело Йейтс предлагает обратную связь с первоначальным актом Творения в христианской истории. Образ длинноногой мухи в ручье, подобной мысли, «движущейся в тишине», превращается в своего рода мантру через повторение припева. Ни один разум, каким бы великим он ни был, не может добиться величия без дополнительных достоинств мира и покоя - такого же удаления от суетливого повседневного мира, которое мы видим в «Озерном острове Иннисфри» и, возможно, в более позднем стихотворении Йейтса «Плавание в Византию».

<https://interestingliterature.com/2017/02/a-short-analysis-of-w-b-yeatss-long-legged-fly/>

William Butler Yeats

Aedh Wishes for the Cloths of Heaven

Had I the heavens' embroidered cloths,
Enwrought with golden and silver light,
The blue and the dim and the dark cloths
Of night and light and the half light,
I would spread the cloths under your feet:
But I, being poor, have only my dreams;
I have spread my dreams under your feet;
Tread softly because you tread on my dreams.

William Butler Yeats

When you are old

When you are old and grey and full of sleep,
And nodding by the fire, take down this book,

Уильям Батлер Йейтс (1865-1939)

Эд желает небесных покровов

*)

Будь у меня небесная ткань,
Вся - золотой и серебряный свет,
Лазурная, синяя, тёмная ткань,
Вся - ночь, полутьма и свет,
Я б бросил её к твоим ногам,
Но у меня – ничего, кроме грёз;
Я грёзы брошу к твоим ногам;
Не растопчи ткань моих грёз!

*) Эд (Aedh) – древнее ирландское имя

Уильям Батлер Йейтс (1865-1939)

Когда ты постареешь

Старушкой, засыпая невзначай
Перед огнём, седая, в поздний час,

And slowly read, and dream of the soft look
Your eyes had once, and of their shadows deep;

How many loved your moments of glad grace,
And loved your beauty with love false or true,
But one man loved the pilgrim soul in you,
And loved the sorrows of your changing face;

And bending down beside the glowing bars,
Murmur, a little sadly, how Love fled
And paced upon the mountains overhead
And hid his face amid a crowd of stars.

William Butler Yeats

Sailing to Byzantium

I

That is no country for old men. The young
In one another's arms, birds in the trees,
—Those dying generations—at their song,
The salmon-falls, the mackerel-crowded seas,
Fish, flesh, or fowl, commend all summer long
Whatever is begotten, born, and dies.
Caught in that sensual music all neglect
Monuments of unageing intellect.

II

An aged man is but a paltry thing,
A tattered coat upon a stick, unless
Soul clap its hands and sing, and louder sing
For every tatter in its mortal dress,
Nor is there singing school but studying
Monuments of its own magnificence;

Сними мой том, читай, и вспоминай
Свой прежний нежный взгляд и тень у глаз.

Их было много, кто, тобой пленён,
Любил – всерьёз иль ложно; распознал
Один в тебе скитальца душу, он
В чертах следы печали различал.

К решеткам раскалённым наклонясь,
Шепни грустя: Любовь – один лишь миг,
Умчалась в горы, даже не простясь,
И спрятала в скопленьях звезд свой лик.

Уильям Батлер Йейтс (1865-1939)

Плавание в Византию

I

Здесь места старым нет, но юным здесь простор -
Объятьям нет конца; здесь место птицам петь,
Сменяя поколенья среди полей и гор,
Лососю, скумбрии – в ручьях, в морях кишеть,
Всему, что долгим летом привлекает взор,
И чей удел родиться, жить и умереть.
Всё музыкою чувств захвачено, нет сил
На то, что интеллект бессмертный сотворил.

II

Старик лишь может, как его пальто, торчать
На вешалке, но есть ещё душа и в ней
Горит желанье познавать, дышать, звучать,
И чем старей лохмотья, тем оно сильней;
Нет школы пения, но можно изучать
Красу творений и величье прежних дней.

And therefore I have sailed the seas and come
To the holy city of Byzantium.

III

O sages standing in God's holy fire
As in the gold mosaic of a wall,
Come from the holy fire, perne in a gyre,
And be the singing-masters of my soul.
Consume my heart away; sick with desire
And fastened to a dying animal
It knows not what it is; and gather me
Into the artifice of eternity.

IV

Once out of nature I shall never take
My bodily form from any natural thing,
But such a form as Grecian goldsmiths make
Of hammered gold and gold enamelling
To keep a drowsy Emperor awake;
Or set upon a golden bough to sing
To lords and ladies of Byzantium
Of what is past, or passing, or to come.

William Butler Yeats

Death

Nor dread nor hope attend
a dying animal;
a man awaits his end
dreading and hoping all;
many times he died,
many times rose again.
A great man in his pride

И потому, по зеркалу морей плывя,
В священный город Византии прибыл я.

III

О мудрецы, кружа в божественном огне,
Светясь на золотой мозаике стены,
Придите из священного огня ко мне,
Учите душу музыке; сейчас должны
Вы моё сердце взять, чтоб, оказавшись вне
Телесной смертной оболочки, свои сны
Могло бы с вами воплотить, себя поняв
В чертогах вечности, и чем-то новым стать.

IV

Я, оказавшись вне природы, никогда
К телесной форме не вернусь уже былой,
Но к той, что ювелиры Греции тогда
Создали из эмали с нитью золотой,
Чтоб Император не дремал, в покой придя,
Или чтоб с ветви золотой я мог порой
Владыкам Византии петь за годом год
О том, что было, есть и что ещё грядёт.

Уильям Батлер Йейтс (1869-1939)

Смерть

Ни надежды, ни страха нет -
так звери к смерти идут;
А люди конца своих бед,
боясь и надеясь ждут.
Но храбрый не раз умирал,
не раз поднимался вновь,
он ни разу не отступал,

confronting murderous men
casts derision upon
supersession of breath;
he knows death to the bone -
man has created death.

William Butler Yeats

An Irish Airman Foresees His Death

I know that I shall meet my fate
Somewhere among the clouds above;
Those that I fight I do not hate
Those that I guard I do not love;
My country is Kiltartan Cross,
My countrymen Kiltartan's poor,
No likely end could bring them loss
Or leave them happier than before.
Nor law, nor duty bade me fight,
Nor public man, nor cheering crowds,
A lonely impulse of delight
Drove to this tumult in the clouds;
I balanced all, brought all to mind,
The years to come seemed waste of breath,
A waste of breath the years behind
In balance with this life, this death.

William Butler Yeats

The Song of Wandering Aengus

I went out to the hazel wood,
Because a fire was in my head,
And cut and peeled a hazel wand,
And hooked a berry to a thread;
And when white moths were on the wing,

встречая кинжал и кровь.
А смерть? Он смеётся над ней;
он, не боясь ничего,
смерть знает до мозга костей:
она – дело рук его.

Уильям Батлер Йейтс (1865-1939)

Ирландский летчик предвидит свою смерть

Смерть ждёт – зови иль не зови -
Меж облаками где-то там;
Я защищаю без любви,
И ненависти нет к врагам.
Моя страна - Килтартан Кросс,
Мне братья – бедняки её,
Но нет исхода, чтоб принёс
Им завтра лучшее житьё.
Законы, долг, толп дружный крик
Теряют силу в небесах;
Я здесь, чтоб испытать хоть миг
Восторга боя в облаках.
И вот к чему я смог прийти:
Вся жизнь – пустая круговерть,
Что позади, что впереди...
Не хуже этой жизни смерть.

Уильям Батлер Йейтс (1865-1939)

Песнь странствующего Энгуса

*)

Зайдя в орешник по утру
(Мой лоб пылал, огнём горел),
Я срезал ветку, снял кору,
На нитку ягоду надел.
Свет звёзд, лишившихся лучей,

And moth-like stars were flickering out,
I dropped the berry in a stream
And caught a little silver trout.

When I had laid it on the floor
I went to blow the fire a-flame,
But something rustled on the floor,
And someone called me by my name:
It had become a glimmering girl
With apple blossom in her hair
Who called me by my name and ran
And faded through the brightening air.

Though I am old with wandering
Through hollow lands and hilly lands,
I will find out where she has gone,
And kiss her lips and take her hands;
And walk among long dappled grass,
And pluck till time and times are done,
The silver apples of the moon,
The golden apples of the sun.

William B. Yeats

The Second Coming

Ещё мелькал, как мотылёк,
Я бросил ягоду в ручей -
Форель попалась на крючок.

Я положил её под сук,
Кремень взял (как же без огня?),
Но что-то зашумело вдруг,
И кто-то вдруг позвал меня:
То девушка была! Восстав
С цветочком яблони в косе,
По имени меня назвав,
Она растаяла в росе.

Блуждал я много, постарел,
Таская странника суму,
Но где она, узнать успел.
Найду, целуя подниму,
И годы напролёт вольны
Гулять в садах мы будем с ней,
Срывая серебро луны
И солнца золото с ветвей.

Комментарии У.Б. Йейтса:

Энгус— бог юности, красоты и поэзии. Он царствует в Тирнан-Ог, Стране юности.

Орешник: Орешник был ирландским Древом Жизни или Познания, а такое дерево, несомненно, считалось в Ирландии, как и повсеместно, деревом небесным.

Форель: Дети богини Дану могут принимать любой облик, и те, что обитают в воде, нередко принимают образ рыбы.

(В стихотворении речь идёт, естественно, о поэте – А.Г.)

Уильям Б. Йейтс (1865-1939)

Второе пришествие

Turning and turning in the widening gyre
The falcon cannot hear the falconer;
Things fall apart; the centre cannot hold;
Mere anarchy is loosed upon the world,
The blood-dimmed tide is loosed, and everywhere
The ceremony of innocence is drowned;
The best lack all conviction, while the worst
Are full of passionate intensity.
Surely some revelation is at hand;
Surely the Second Coming is at hand.
The Second Coming! Hardly are those words out
When a vast image out of Spiritus Mundi
Troubles my sight: somewhere in sands of the desert
A shape with lion body and the head of a man,
A gaze blank and pitiless as the sun,
Is moving its slow thighs, while all about it
Reel shadows of the indignant desert birds.
The darkness drops again; but now I know
That twenty centuries of stony sleep
Were vexed to nightmare by a rocking cradle,
And what rough beast, its hour come round at last,
Slouches towards Bethlehem to be born?

Ernest Dowson

They are not long, the weeping and the laughter

They are not long, the weeping and the laughter,
Love and desire and hate:
I think they have no portion in us after
We pass the gate.

They are not long, the days of wine and roses:
Out of a misty dream
Our path emerges for a while, then closes
Within a dream.

Парит кругами сокол в вышине,
Сокольного зов не слышит он;
Не может центр всеобщий крах сдержать,
И погружён в анархию весь мир.
Приливом тусклой крови поглощён
Невиновности сложившийся обряд;
Все лучшие растеряны, зато
Все худшие – в кипении страстей.
И, значит, откровение грядёт,
Пришествия второго близок срок.
С трудом я эти произнёс слова,
Когда открылся взору моему
Spiritus Mundi – образ роковой.
Он телом – лев и ликом – человек,
Как солнце, взгляд безжалостен и пуст;
Он медленно ползёт в песках, вокруг
Мелькают тени стай пустынных птиц.
Опять сгустилась тьма; но ясно мне:
Двадцать веков, проспавших мёртвым сном,
Проснулись в колыбели, и – вот он,
Свирепый зверь (а час его настал!)
Ползёт, чтобы родиться, в Вифлеем.

Эрнест Доусон (1867-1900)

Они недолги, радость и рыдания

Они недолги, радость и рыдания,
И злость, и доброта:
Мы, думаю, забудем все желанья,
Пройдя врата.

Недолги дни роз свежих, вин искристых:
Из сна, что мнится нам,
Наш путь вдруг открывается, чтоб быстро
Исчезнуть там.

Edwin Arlington Robinson

Richard Cory

Whenever Richard Cory went down town,
We people on the pavement looked at him:
He was a gentleman from sole to crown,
Clean favored, and imperially slim.

And he was always quietly arrayed,
And he was always human when he talked;
But still he fluttered pulses when he said,
"Good-morning," and he glittered when he walked.

And he was rich—yes, richer than a king—
And admirably schooled in every grace:
In fine, we thought that he was everything
To make us wish that we were in his place.

So on we worked, and waited for the light,
And went without the meat, and cursed the bread;
And Richard Cory, one calm summer night,
Went home and put a bullet through his head.

William Henry Davies

Leisure

What is this life if, full of care,
We have no time to stand and stare.

Эдвин Арлингтон Робинсон (1869-1935)

Ричард Кори

Уж если Ричард Кори вышел в городок,
Мы на него глядели все, разинув рот:
Ещё бы! Джентльмен весь с головы до ног,
Чист, строен, прямо как аристократ.

И скромно так одет, чтобы не хвастать зря.
Умел он к каждому из нас подход найти,
И что-то излучал он, даже говоря
Тебе простое «С добрым утром» по пути.

Манеры – лучше нет, а как изящен, прям...
И как он был богат - богаче королей.
Ну, в общем, всем тогда хотелось очень нам
На его месте побывать в один из дней.

Трудились мы с утра, не покладая рук,
А вечером нам хлеб без мяса горек был;
А Ричард Кори тихой летней ночью вдруг,
Пошёл к себе домой и пулю в лоб пустил. *)

*) Намёк на брата поэта, который не преуспел в делах,
спился, разрушил семью и умер в больнице для бедных
(АГ).

Уильям Генри Дэвис (1871-1940)

Досуг

Ну что за жизнь! В заботах, друг,
Нам некогда смотреть вокруг.

No time to stand beneath the boughs
And stare as long as sheep or cows.

No time to see, when woods we pass,
Where squirrels hide their nuts in grass.

No time to see, in broad daylight,
Streams full of stars, like skies at night.

No time to turn at Beauty's glance,
And watch her feet, how they can dance.

No time to wait till her mouth can
Enrich that smile her eyes began.

A poor life this is if, full of care,
We have no time to stand and stare.

Paul Laurence Dunbar

We Wear the Mask

We wear the mask that grins and lies,
It hides our cheeks and shades our eyes,—
This debt we pay to human guile;
With torn and bleeding hearts we smile
And mouth with myriad subtleties,
Why should the world be over-wise,
In counting all our tears and sighs?
Nay, let them only see us, while

We wear the mask.

We smile, but oh great Christ, our cries
To thee from tortured souls arise.

We sing, but oh the clay is vile
Beneath our feet, and long the mile,

Ни под ветвями постоять,
Как овцы вечность созерцать,

На белку поглядеть чуток,
Когда орехи прячет впрок,

Ни разглядеть средь дня в реке
Ночных звёзд отблеск на песке.

Ведь подожди мы пять минут,
И ножки милой в пляс пойдут;

Миг – и улыбка чудных глаз
В углах рта расцветёт сейчас.

Ну что за жизнь! В заботах, друг,
Нам некогда смотреть вокруг.

Пол Лоуренс Данбар (1872-1906)

Мы носим маску

Мы носим маску хитреца,
Глаза в тени и нет лица;
Лукавству толп свой долг платя,
К всему относимся шутя -
В улыбке рот, в крови сердца.
Но нет у мира мудреца
Под маской раскусить лжеца.

И, к миру грудь оборотя,

Мы носим маску.

Смеёмся мы, но до Творца
Возносим вздохи без конца.

Поём со всеми мы, хотя
В грязи по шею. Жизнь пройдя,

But let the world dream otherwise,
We wear the mask!

John Mc Crae

In Flanders Fields

In Flanders fields the poppies blow
Between the crosses, row on row,
That mark our place; and in the sky
The larks, still bravely singing, fly
Scarce heard amid the guns below.

We are the Dead. Short days ago
We lived, felt dawn, saw sunset glow,
Loved, and were loved, and now we lie
In Flanders fields.

Take up our quarrel with the foe:
To you from failing hands we throw
The torch; be yours to hold it high.
If ye break faith with us who die
We shall not sleep, though poppies grow
In Flanders fields.

Walter de la Mare

The Listeners

‘Is there anybody there?’ said the Traveller,
Knocking on the moonlit door;
And his horse in the silence champed the grasses
Of the forest’s ferny floor:
And a bird flew up out of the turret,

Всегда играем роль глупца ...
Мы носим маску!

Джон МакКрей (1872-1918)

На полях Фландрии

Кресты рядами, и о нас
Лишь маки говорят сейчас,
А щебет в небе голубом
Перекрывает пушек гром;
Огнём горит цветов атлас.

Ещё недавно мы среди вас
Закат встречали, утра час,
Любили, а теперь наш дом
Во Фландрии, в её полях.

Из рук бессильных в этот раз
Примите факел, чтоб не гас
Огонь души в борьбе с врагом.
Погибших помните, чтоб сном
Мы спали тихим не стыдясь
Во Фландрии, в её полях.

Фландрия, 1915

Уолтер де ла Мар (1873-1956)

Слушатели

«Есть там кто-нибудь?» - Путник спросил,
Стукнув в дверь, один под луной;
Среди папоротника в лесной тишине
Лошадь хрустела травой.
Птичка вылетела из башни шумя,

Above the Traveller's head:
And he smote upon the door again a second time;
 'Is there anybody there?' he said.
But no one descended to the Traveller;
 No head from the leaf-fringed sill
Leaned over and looked into his grey eyes,
 Where he stood perplexed and still.
But only a host of phantom listeners
 That dwelt in the lone house then
Stood listening in the quiet of the moonlight
 To that voice from the world of men:
Stood thronging the faint moonbeams on the dark stair,
 That goes down to the empty hall,
Harkening in an air stirred and shaken
 By the lonely Traveller's call.
And he felt in his heart their strangeness,
 Their stillness answering his cry,
While his horse moved, cropping the dark turf,
 'Neath the starred and leafy sky;
For he suddenly smote on the door, even
 Louder, and lifted his head:—
'Tell them I came, and no one answered,
 That I kept my word,' he said.
Never the least stir made the listeners,
 Though every word he spake
Fell echoing through the shadowiness of the still house
 From the one man left awake:
Ay, they heard his foot upon the stirrup,
 And the sound of iron on stone,
And how the silence surged softly backward,
 When the plunging hoofs were gone.

Walter de la Mare

Silver

Над его головой. Что было сил
Он ударил в дверь во второй раз;
 «Есть там кто-нибудь?» - спросил.
Но никто не спустился из дома к нему,
 Шторы в окне не поднял,
В его серые глаза не взглянул, и он,
 Озадаченный молча стоял.
Только слушатели не из мира сего,
 Жившие здесь с давних дней,
Стояли, вслушиваясь при полной луне
 В чуждый голос из мира людей.
На лестнице, спускающейся в пустой зал,
 Куда луч луны не проник,
Слушали, как в дрожащем воздухе звенел
 Одинокого путника крик.
Он чувствовал странность их, вопрос
 Сменился лесной тишиной,
А лошадь двигалась, объедая траву,
 Под небом, скрытым листвою;
И, подняв голову, он громко сказал,
 Снова ударив в дверь:
«Передайте им, что я здесь был,
 Что сдержал я слово теперь».
Но в доме не пошевелился никто,
 Хотя его слова для них
Повторило эхо в ночной тиши -
 Единственного из живых.
Да, они слышали: звякнули стремяна,
 Копыта стуча пошли,
И тишина вернулась в лес, поглотив
 Цокот подков вдали.

Уолтер де ла Мар (1873-1956)

Серебро

Slowly, silently, now the moon
Walks the night in her silver shoon;
This way, and that, she peers, and sees
Silver fruit upon silver trees;
One by one the casements catch
Her beams beneath the silvery thatch;
Couched in his kennel, like a log,
With paws of silver sleeps the dog;
From their shadowy cote the white breasts peep
Of doves in a silver-feathered sleep;
A harvest mouse goes scampering by,
With silver claws and a silver eye;
And moveless fish in the water gleam,
By silver reeds in a silver stream.

Robert Frost

The Road Not Taken

Two roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth;
Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim,
Because it was grassy and wanted wear;
Though as for that the passing there
Had worn them really about the same,
And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.
Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way,
I doubted if I should ever come back.
I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:

Тихо в небе луна до утра
Бродит в туфлях из серебра;
Видит: всё блестит серебром -
И плоды и ветви кругом;
Окна свет запасают впрок,
Крыш солома – серебряный стог;
Под её сенью голуби спят,
Серебром их грудки горят;
Пёс спит в будке в свете луны,
Его лапы посеребрены;
Бежит быстро полёвка к норе,
Коготки, глаз - вся в серебре;
Рыбок в речке серебряной строй,
Как тростник серебра живой.

Роберт Фрост (1874-1963)

Невыбранная дорога

Я в жёлтом лесу на развилке дорог
Стоял сожалея: по двум не пойти!
Одна из них, сколько увидеть я смог,
Скрывалась в подлеске. Возможно, я строг,
Но чем она лучше другого пути?
Он густо несмятой травой порос,
Её потоптать так хотелось (как знать,
Подумавших так же, быть может, не раз
Дорога сама растоптала). Сейчас
Их две предо мной, и пора выбирать.
След чёрный не виден был ни на одной.
Решил я к той, первой вернуться позднеей,
Но, если отсюда пойду по второй,
То, зная: дорога ведёт за собой,
Всё ж не был уверен, вернусь ли я к ней,
Не буду ль жалеть, прошагав полземли.
Но выбрал, куда бы она ни вела,

Two roads diverged in a wood, and I—
I took the one less traveled by,
And that has made all the difference.

Robert Frost

Stopping by Woods on a Snowy Evening

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.

My little horse must think it queer
To stop without a farmhouse near
Between the woods and frozen lake
The darkest evening of the year.

He gives his harness bells a shake
To ask if there is some mistake.
The only other sound's the sweep
Of easy wind and downy flake.

The woods are lovely, dark and deep,
But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

And miles to go before I sleep...

Robert Frost

Fire and ice

Когда впереди две дороги легли,
Я ту, по которой немногие шли, -
А в этом-то выбора суть и была.

Роберт Фрост (1874-1963)

Остановка у леса снежным вечером

Хозяин леса мне знаком:
Вдали в деревне его дом.
Ему меня не разглядеть,
Один лишь лес и снег кругом.

Моей лошадке странно: ведь
К жилью до ночи не успеть.
Так кратки вечера зимой,
А тут лишь лес и неба твердь.

Мотает лошадь головой:
Нет ли ошибки тут какой?
Но слышит лишь в ответ она
Шуршанье снега над собой.

Прекрасна леса глубь, темна,
Но есть дела и цель ясна,
И много миль ещё до сна,
И много миль ещё до сна.

И много миль ещё до сна...

Роберт Фрост (1874-1963)

Огонь и лёд

Some say the world will end in fire,
Some say in ice.
From what I've tasted of desire
I hold with those who favor fire.
But if it had to perish twice,
I think I know enough of hate
To say that for destruction ice
Is also great
And would suffice.

Robert Frost

Birches

When I see birches bend to left and right
Across the lines of straighter darker trees,
I like to think some boy's been swinging them.
But swinging doesn't bend them down to stay
As ice-storms do. Often you must have seen them
Loaded with ice a sunny winter morning
After a rain. They click upon themselves
As the breeze rises, and turn many-colored
As the stir cracks and crazes their enamel.
Soon the sun's warmth makes them shed crystal shells
Shattering and avalanching on the snow-crust—
Such heaps of broken glass to sweep away
You'd think the inner dome of heaven had fallen.
They are dragged to the withered bracken by the load,
And they seem not to break; though once they are bowed
So low for long, they never right themselves:
You may see their trunks arching in the woods
Years afterwards, trailing their leaves on the ground
Like girls on hands and knees that throw their hair
Before them over their heads to dry in the sun.
But I was going to say when Truth broke in
With all her matter-of-fact about the ice-storm

- В огне погибнет мир, в огне!
- Нет, только лёд!
Любовь была известна мне,
И я согласен, что «в огне».
Но, если вновь конец придёт...
Про ненависть я знаю всё,
А потому считаю: лёд
Сильней ещё
И подойдёт.

Роберт Фрост (1874-1963)

Берёзы

Между других деревьев - тёмных и прямых,
Мелькают линии склонившихся берёз,
Как будто им мальчишка изогнул стволы.
Я понимаю, что причина здесь не в нём,
А в зимней буре. Можно видеть ветки их,
В погожий зимний день: застыв после дождя,
Нагруженные льдом, они слегка звенят,
Когда подует свежий ветер. Их эмаль
Потрескавшись теряет разноцветный блеск;
Под солнечным лучом скорлупки хрустала
Крошатся, засыпая свежий снежный наст,
Слоями битого мельчайшего стекла
(Как если бы небес свод внутренний упал).
Тяжёлый груз стволы склоняет до земли,
И, если долго панцирь льда сгибает их,
Они уже не выпрямяются потом
И так, согнувшись, годы простоят в лесу,
По рыхлой почве косы листьев волооча
(Как девушки, забросив волосы вперёд,
На четвереньках сушат солнечным теплом)...
Но я хотел сказать (а Правда ворвалась
Со всеми фактами о свойствах снежных бурь),

I should prefer to have some boy bend them
As he went out and in to fetch the cows—
Some boy too far from town to learn baseball,
Whose only play was what he found himself,
Summer or winter, and could play alone.
One by one he subdued his father's trees
By riding them down over and over again
Until he took the stiffness out of them,
And not one but hung limp, not one was left
For him to conquer. He learned all there was
To learn about not launching out too soon
And so not carrying the tree away
Clear to the ground. He always kept his poise
To the top branches, climbing carefully
With the same pains you use to fill a cup
Up to the brim, and even above the brim.
Then he flung outward, feet first, with a swish,
Kicking his way down through the air to the ground.
So was I once myself a swinger of birches.
And so I dream of going back to be.
It's when I'm weary of considerations,
And life is too much like a pathless wood
Where your face burns and tickles with the cobwebs
Broken across it, and one eye is weeping
From a twig's having lashed across it open.
I'd like to get away from earth awhile
And then come back to it and begin over.
May no fate willfully misunderstand me
And half grant what I wish and snatch me away
Not to return. Earth's the right place for love:
I don't know where it's likely to go better.
I'd like to go by climbing a birch tree,
And climb black branches up a snow-white trunk
Toward heaven, till the tree could bear no more,
But dipped its top and set me down again.
That would be good both going and coming back.

Что я бы предпочёл, чтоб их гнул мальчуган,
За стадом утром выходявший со двора.
Слишком далёк от города, он не в бейсбол
Играл, а в то, что сам он смог вокруг найти,
Зимой и летом целый день всегда один.
Он покори́л берёзы своего отца,
Качаясь на его деревьях вновь и вновь,
Пока их жёсткость силой не преодолел,
На всех висел, и не было ни одного,
Чтоб он не победил. И он узнал всё то,
Что нужно, чтоб не слишком рано прыгать вниз,
Но дереву дать распрямиться вновь потом.
Он равновесие держал, стремясь наверх,
И поднимался с осторожностью такой,
С какой вы наполняете порой бокал -
До самых до краёв, потом ещё чуть-чуть.
Затем бросался в воздух и свистя летел
Вперёд ногами, как на крыльях, до корней.
И я когда-то на берёзах восседал,
И потому мечтаю оказаться там,
Устав от размышлений грустных и забот:
Там жизнь похожа на непроходимый лес,
Лицо горит, летишь сквозь паутины сеть,
Она щекочет, и один твой глаз в слезе
От ветки, что не жмурясь ты задел.
Хочу на время оторваться от земли,
Затем вернуться и всё заново начать.
Пусть не поймет меня неправильно судьба:
Подарит половину лишь моей мечты
И не опустит. Место для любви - земля,
И лучше места во вселенной не найти.
Мне на берёзу хочется опять залезть -
Наверх, по чёрным веткам белого ствола
До неба, чтобы дерево, меня держа,
Согнулось медленно, на землю возвратив.
Как было б хорошо: весь день – туда, назад!

One could do worse than be a swinger of birches.

Robert Frost

Nothing Gold Can Stay

Nature's first green is gold,
Her hardest hue to hold.
Her early leaf's a flower;
But only so an hour.
Then leaf subsides to leaf.
So Eden sank to grief,
So dawn goes down to day.
Nothing gold can stay.

Robert Frost

A Time to Talk

When a friend calls to me from the road
And slows his horse to a meaning walk,
I don't stand still and look around
On all the hills I haven't hoed,
And shout from where I am, What is it?
No, not as there is a time to talk.
I thrust my hoe in the mellow ground,
Blade-end up and five feet tall,
And plod: I go up to the stone wall
For a friendly visit.

Robert Frost

Acquainted with the Night

I have been one acquainted with the night.
I have walked out in rain—and back in rain.

Дела другие есть, но это всё не то.

Роберт Фрост (1874-1963)

Ничто не остаётся золотым

В природе зелёный цвет
Сперва золотист на свет.
Её первый лист - цветок,
Но только на краткий срок;
Потом лист листом. Как жаль!
И Рай погружён в печаль.
Рассвет сменяется днём,
И золото тонет в нём.

Роберт Фрост (1864-1953)

Время поговорить

Когда друг меня кличет с дороги,
Заставив лошадь убавить прыть,
Я не гляжу, рассавив ноги,
На все холмы, что ждут мотыги,
И с места не кричу: «Что надо?
Сейчас не время лясы точить.» -
Втыкаю мотыгу в землю немного,
Лезвием вверх, и бреду
К ограде из камня: к другу иду,
Мы встрече рады.

Роберт Фрост (1864-1953)

Я в одиночестве взгляделся в темноту

Я, в одиночестве взглядевшись в темноту,
Пошёл под дождь; теперь он будет долго лить,

I have outwalked the furthest city light.

I have looked down the saddest city lane.
I have passed by the watchman on his beat
And dropped my eyes, unwilling to explain.

I have stood still and stopped the sound of feet
When far away an interrupted cry
Came over houses from another street,

But not to call me back or say good-bye;
And further still at an unearthly height,
One luminary clock against the sky

Proclaimed the time was neither wrong nor right.
I have been one acquainted with the night.

Robert W. Service

The Mother

There will be a singing in your heart,
There will be a rapture in your eyes;
You will be a woman set apart,
You will be so wonderful and wise.
You will sleep, and when from dreams you start,
As of one that wakes in Paradise,
There will be a singing in your heart,
There will be a rapture in your eyes.
There will be a moaning in your heart,
There will be an anguish in your eyes;
You will see your dearest ones depart,
You will hear their quivering good-byes.
Yours will be the heart-ache and the smart,
Tears that scald and lonely sacrifice;

Когда от городских огней я прочь уйду.

Печальна улица, что может горше быть!
Вот рядом сторож в будке; видно, он не спал.
Я опустил глаза, чтоб с ним не говорить,

И вдруг остановился: где-то прозвучал
Внезапно громкий крик, что смог сюда дойти
Между домами. Он меня назад не звал

Домой и не желал мне доброго пути;
А после, оглашая неба высоту,
С высокой башни мне невидимой почти,

Часы пробили время-призрак. На мосту
Я в одиночестве взгляделся в темноту.

Роберт В. Сервис (1874-1958)

Мать

Будет пение в сердце твоём
И восторга в глазах пора;
И будешь ты не как все кругом -
Замечательна и мудра.
Ты уснёшь и проснёшься потом,
Будто в райских была садах,
Будет пение в сердце твоём
И восторг засияет в глазах.
И печаль замрёт в сердце твоём,
В глазах отразится тоска;
Увидишь, что нет близких кругом,
Услышишь их издалека.
И будет горе в сердце больном
И слёз одиноких река;

There will be a moaning in your heart,
There will be an anguish in your eyes.
There will come a glory in your eyes,
There will come a peace within your heart;
Sitting 'neath the quiet evening skies,
Time will dry the tear and dull the smart.
You will know that you have played your part;
Yours shall be the love that never dies:
You, with Heaven's peace within your heart,
You, with God's own glory in your eyes.

Douglas Malloch

Good Timber

The tree that never had to fight
For sun and sky and air and light,
But stood out in the open plain
And always got its share of rain,
Never became a forest king
But lived and died a scrubby thing.

The man who never had to toil
To gain and farm his patch of soil,
Who never had to win his share
Of sun and sky and light and air,
Never became a manly man
But lived and died as he began.

Good timber does not grow with ease,
The stronger wind, the stronger trees,
The further sky, the greater length,
The more the storm, the more the strength.
By sun and cold, by rain and snow,
In trees and men good timbers grow.

И печаль замрёт в сердце твоём,
В глазах отразится тоска.
И слава твоя сверкнёт в глазах,
Мир вернётся в сердце твоё;
Вечернее небо погасит страх,
И с глаз время слёзы сотрёт.
Да, ты сделала дело своё;
Ты – любовь, что всегда в сердцах,
С миром Небесным в сердце твоём,
С Божьей славой в твоих глазах.

Дуглас Маллок (1877-1938)

Хорошая древесина

Деревья, коим нүжды нет
За солнце драться, небо, свет,
И в чистом поле без труда
Дождь достаётся им всегда,
Лесным не станут королём,
Сгниют, не преуспев ни в чём.

Кто не трудился, чтоб клочок
Земли добыть и холить мог,
Кто солнце, небо, свет в борьбе
Не отвоёвывал себе,
Мужчиной мужественным быть
Не мог и жизнь не зря прожить.

Чтоб крепла древесина в них,
Деревьям нужен сильный вихрь.
Чем дальше небо, ствол длинней,
Свирепей буря – ствол сильней.
Жара и холод, снег и дождь
Нужны, чтоб вырос твёрдый вождь.

Where thickest lies the forest growth
We find the patriarchs of both.
And they hold counsel with the stars
Whose broken branches show the scars
Of many winds and much of strife.
This is the common law of life.

John Masefield

Sea fever

I must go down to the seas again, to the lonely sea and the sky,
And all I ask is a tall ship and a star to steer her by;
And the wheel's kick and the wind's song and the white sail's shaking,
And a grey mist on the sea's face, and a grey dawn breaking.
I must go down to the seas again, for the call of the running tide
Is a wild call and a clear call that may not be denied;
And all I ask is a windy day with the white clouds flying,
And the flung spray and the blown spume, and the sea-gulls crying.
I must go down to the seas again, to the vagrant gypsy life,
To the gull's way and the whale's way where the wind's like a whetted knife;
And all I ask is a merry yarn from a laughing fellow-rover,
And quiet sleep and a sweet dream when the long trick's over.

John Masefield

Beauty

I have seen dawn and sunset on moors and windy hills
Coming in solemn beauty like slow old tunes of Spain:
I have seen the lady April bringing in the daffodils,
Bringing the springing grass and the soft warm April rain.

Лишь в гуще леса и толпы
Находим патриархов мы.
Со звёздами совет держа,
Стоят гиганты не дрожа
Все в шрамах от лихих годин.
Таков закон – для всех один.

Джон Мейсфилд (1878-1967)

Морская лихорадка

Я должен вновь сойти к морям, где лишь море и неба свод,
И всё, о чём я прошу, - корабль и звезда, что меня поведёт,
Чтоб ожил штурвал и ветер запел, и парус дрожал белея,
Чтоб серый туман лик моря закрыл, и встала заря серея.
Я должен вновь сойти к морям, чтоб прилива зов услышать,
Чей дикий и ясный призыв, мне нельзя никак отрицать;
И всё, о чём я прошу, - день с ветром, слетящими облаками,
Фонтан свежих брызг и пены ковёр, и чаек стоны над нами.
Я должен вновь сойти к морям, бродить, на цыгана похож,
Путями чаек, путём кита, где ветер, как острый нож;
И всё, о чём я прошу, - насмешливый трёп морского волка,
Спокойный сон, сладкие сны после вахты, что длилась долго.

Джон Мейсфилд (1878-1967)

Красота

Я видел рассвет и закат на болотах и голых холмах,
Как старые песни Испании, гордо красивы они.
Я видел, как леди Апрель принесла нарциссы в руках,
Упругую травку и с нежным дождём апрельские дни.

I have heard the song of the blossoms and the old chant of the sea,
And seen strange lands from under the arched white sails of ships;
But the loveliest things of beauty God ever has showed to me
Are her voice, and her hair, and eyes, and the dear red curve of her lips.

Wallace Stevens

The Emperor of Ice-Cream

Call the roller of big cigars,
The muscular one, and bid him whip
In kitchen cups concupiscent curds.
Let the wenches dawdle in such dress
As they are used to wear, and let the boys
Bring flowers in last month's newspapers.
Let be be finale of seem.
The only emperor is the emperor of ice-cream.
Take from the dresser of deal,
Lacking the three glass knobs, that sheet
On which she embroidered fantails once
And spread it so as to cover her face.
If her horny feet protrude, they come
To show how cold she is, and dumb.
Let the lamp affix its beam.
The only emperor is the emperor of ice-cream.

Edgar Guest

Have You Earned Your Tomorrow

Is anybody happier because you passed his way?

Песнь старую моря и пенье цветов расслышать я смог,
У чуждых земель надо мной плыли белых судов паруса.
Прекрасней всего из того, что доселе открыл мне Бог, -
Её голос, волосы, плечи, губ алых изгиб и глаза.

Уоллес Стивенс (1879-1955)

Император мороженого

*)

Позови торседора, из тех,
Кто покрепче, вели ему
Толочь в кухне шарики для утех.
Пусть девицы будут в платьях таких,
К каким привыкли; парням не грех
Принести в старой газете букет.
Что есть, то есть – финал один.
Император мороженого он един.
Из комода дощатого у стены,
Без трёх стеклянных ручек, возьми
Скатерть с её вышивкой крестом,
Разложи так, чтоб закрыть ей лицо.
Пусть ступни в мозолях будут торчать,
Немоту и холод обозначать.
И лампой всё освещать.
Император мороженого он един.

*) См. примечания на сайте

<https://www.facebook.com/uselesstales/posts/661334100956447/>

Торседор – крутильщик сигар, изготавливаемых вручную

Эдгар Гест (1881-1959)

Заслужил ли ты своё завтра?

Кто-нибудь счастлив, что его путь с твоим совпал?

Does anyone remember that you spoke to him today?
This day is almost over, and its toiling time is through;
Is there anyone to utter now a kindly word of you?

Did you give a cheerful greeting to the friend who came along?
Or a churlish sort of "Howdy" and then vanish in the throng?
Were you selfish pure and simple as you rushed along the way,
Or is someone mighty grateful for a deed you did today?

Can you say tonight, in parting with the day that's slipping fast,
That you helped a single brother of the many that you passed?
Is a single heart rejoicing over what you did or said;
Does a man whose hopes were fading now with courage look ahead?

Did you waste the day, or lose it, was it well or sorely spent?
Did you leave a trail of kindness or a scar of discontent?
As you close your eyes in slumber do you think that God would say,
You have earned one more tomorrow by the work you did today?

Edgar Guest

Equipment

Figure it out for yourself, my lad,
You've all that the greatest of men have had,
Two arms, two hands, two legs, two eyes,
And a brain to use if you would be wise.
With this equipment they all began,
So start for the top and say "I can."

Look them over, the wise and great,
They take their food from a common plate
And similar knives and forks they use,
With similar laces they tie their shoes,
The world considers them brave and smart.

Кто-нибудь помнит, что ему ты сегодня сказал?
День угасает и с ним кончится время трудов;
Кто-нибудь повторил одно из твоих добрых слов?

Рад был ты другу, шедшему навстречу тебе,
Или бросил грубо: «Привет!» и исчез в толпе?
Был ли ты эгоистом, прокладывая локтем путь
Или кто-то тебе благодарен за что-нибудь?

Можешь ли ты сказать под вечер о дне своём,
Что помог одному из братьев, что видел днём?
Чьё-то сердце радо тому, что ты сделал или сказал;
Кто-нибудь смотрит бодро, чей взгляд уже угасал?

Был не зря потрачен твой день или он потерян уже?
Добрый след или шрам ты оставил в чьей-то душе?
Когда смежишь глаза, как ты думаешь, что скажет Бог:
Заслужил ты завтра своё тем, что сделать сегодня смог?

Эдгар Гест (1881-1959)

Снаряжение

Сам пойми, парень, ведь ты не бедней
Даже великого из всех людей:
Два глаза есть, две руки, две ноги,
И, чтоб использовать с толком, мозги.
Он был таким же на первом шагу.
Трогай к вершине, скажи: «Я могу»,

мудрых, великих имяя в виду:
С общей тарелки те брали еду,
Вилки, ножей не знавали других,
Те же шнурки на ботинках у них,
Ум их и смелость у мира в чести,

But you've all they had when they made their start.

You can triumph and come to skill,
You can be great if only you will,
You're well equipped for what fight you choose,
You have legs and arms and a brain to use,
And the man who has risen, great deeds to do
Began his life with no more than you.

You are the handicap you must face,
You are the one who must choose your place,
You must say where you want to go.
How much you will study the truth to know,
God has equipped you for life, But He
Lets you decide what you want to be.

Courage must come from the soul within,
The man must furnish the will to win,
So figure it out for yourself, my lad,
You were born with all that the great have had,
With your equipment they all began.
Get hold of yourself, and say: "I can."

A.A.Milne

Disobedience

James James
Morrison Morrison
Weatherby George Dupree
Took great
Care of his Mother,
Though he was only three.
James James Said to his Mother,
"Mother," he said, said he;

Но у тебя есть всё то же, сочти!

Мастером можешь стать, всех одолеть,
Станешь велик, стоит лишь захотеть,
Выбери бой, ты уже оснащён:
Мозг, ноги, руки – чего же ещё?
Тем, кто великие начал дела,
Жизнь поначалу не больше дала.

Ты – тот барьер, что обязан ты взять,
Выбери место, что хочешь занять,
Сколько путей ты захочешь пройти,
Сколько трудиться, чтоб правду найти.
Бог оснастил тебя, но не забудь:
Он разрешил тебе выбрать свой путь.

Чтоб стать подобным великим мужам,
Волю к победе ковать должен сам.
Чтобы осилить большие дела,
Форы великим судьба не дала,
Так что вставай, не лежи на боку,
Трогай, скажи сам себе: «Я могу».

Алан Александр Милн (1882-1956)

Непослушание

Джеймс Джеймс
Моррисон Моррисон
Уэтерби Джордж МакКлой
в три года
заботился так о Маме,
как если б он был большой.
Джеймс Джеймс говорил своей Маме:
«Мам, - говорил он порой,

"You must never go down
to the end of the town,
if you don't go down with me."

James James
Morrison's Mother
Put on a golden gown.
James James Morrison's Mother
Drove to the end of the town.
James James Morrison's Mother
Said to herself, said she:
"I can get right down
to the end of the town
and be back in time for tea."

King John
Put up a notice,
"LOST or STOLEN or STRAYED!
JAMES JAMES MORRISON'S MOTHER
SEEMS TO HAVE BEEN MISLAID.
LAST SEEN
WANDERING VAGUELY:
QUITE OF HER OWN ACCORD,
SHE TRIED TO GET DOWN
TO THE END OF THE TOWN -
FORTY SHILLINGS REWARD!"

James James
Morrison Morrison
(Commonly known as Jim)
Told his
Other relations
Not to go blaming him.
James James
Said to his Mother,
"Mother," he said, said he:

он говорил, - дорогая,
нельзя уезжать до окраин,
разве что вместе со мной».

Но Джеймса Джеймса
не слушала Мама.
И, платье в цветах надевая,
сказала себе непослушная Мама:
«Доеду хоть раз до окраин».
Сказала себе непослушная Мама:
«Что может случиться со мной?
Доеду хоть раз до окраин,
побуду чуть-чуть там и к чаю
успею вернуться домой».

Король Джон
повесил уведомление:
«УКРАДЕНА или ЗАПРОПАСТИЛАСЬ
МАМА ДЖЕЙМСА ДЖ.МОРРИСОНА!
МОЖЕТ БЫТЬ, ЗАБЛУДИЛАСЬ.
ВИДЕЛИ,
КАК ИЗ ДОМА
МАМА СПОКОЙНО ИДЁТ.
ПЫТАЛАСЬ ОНА ДО ОКРАИН
ДОЕХАТЬ ВЧЕРА НА ТРАМВАЕ -
ДВА ФУНТА ТОМУ, КТО НАЙДЁТ!»

Джеймс Джеймс
Моррисон Моррисон
(широко известный как Джим)
говорил,
что его вины тут нету,
близким и всем другим.
Ведь Джеймс Джеймс
говорил своей Маме:
«Мам, - говорил он порой, -

"You must never go down to the end of the town
without consulting me."

James James

Morrison's mother

Hasn't been heard of since.

King John said he was sorry,

So did the Queen and Prince.

King John

(Somebody told me)

Said to a man he knew:

If people go down to the end of the town, well,
what can anyone do?"

(Now then, very softly)

J.J.

M.M.

W.G.Du P.

Took great

C/0 his M*****

Though he was only 3.

J.J. said to his M*****

"M*****," he said, said he:

"You-must-never-go-down-to-the-end-of -the-town-
if-you-don't-go-down-with-ME!"

T. E. Hulme

Autumn

A touch of cold in the Autumn night—

I walked abroad,

And saw the ruddy moon lean over a hedge

Like a red-faced farmer.

I did not stop to speak, but nodded,

нельзя никогда, дорогая, тебе уезжать до окраин,
не обсудив со мной».

О матери Джеймса

Дж.Моррисона

с тех пор ничего не слышать.

Король Джон сказал, что он сожалеет,

придворные стали вздыхать.

Король Джон

(передал мне кто-то)

знакомому так сказал:

Что делать, если человек дошёл до окраин
и там, увы, пропал?»

(А теперь, очень мягко)

Дж.Дж.

М.М.

У. Дж. МакК.

в три года

заб/о своей M***,

как если б он был большой.

Дж. Дж. говорил своей M***:

«M***, - говорил он порой,

он говорил, - дорогая, нельзя-уезжать-до-окраин,-
разве-что-вместе-со-МНОЙ».

Томас Э. Хьюм (1883-1917)

Осень

Коснулся холод меня слегка,

Я полем шёл.

Зардев, висела луна над плетнём,

Как краснолицый фермер.

Я всё говорил, но ей кивнул,

And round about were the wistful stars
With white faces like town children.

Sara Teasdale

I Thought Of You

I thought of you and how you love this beauty,
And walking up the long beach all alone
I heard the waves breaking in measured thunder
As you and I once heard their monotone.

Around me were the echoing dunes, beyond me
The cold and sparkling silver of the sea —
We two will pass through death and ages lengthen
Before you hear that sound again with me.

Sara Teasdale

I am not yours

I am not yours, not lost in you,
Not lost, although I long to be
Lost as a candle lit at noon,
Lost as a snowflake in the sea.

You love me, and I find you still
A spirit beautiful and bright,
Yet I am I, who long to be
Lost as a light is lost in light.

Oh plunge me deep in love—put out
My senses, leave me deaf and blind,
Swept by the tempest of your love,
A taper in a rushing wind.

А у мечтательных звёзд вокруг
Бледные лица городских детишек.

Сара Тисдейл (1884-1933)

Я думала о тебе

Я думала, как ты любил всё это.
Я шла одна. Пляж длинный и пустой.
Дробились волны с монотонным громом,
Как мы когда-то слышали с тобой.

Холодным серебром искрилось море,
И дюны гулкие смыкали круг.
Пройдем мы оба через смерть и годы,
Но вновь услышим вместе этот звук.

Сара Тисдейл (1884-1933)

Я не твоя

В тебе не потерялась я,
Я не твоя. Когда могла б
Пропасть, как свет свечи средь дня,
Как тает снег в волну упав!

Меня ты любишь, и ясна
Душа твоя – прекрасней нет,
Но я есть я, хотя пропасть
Хочу, как тает в свете свет.

Лишившись чувств – глуха, слепа -
В твоей любви тонуть хочу,
Залей же, погаси меня
Как ветер тонкую свечу.

Sara Teasdale

There Will Come Soft Rains

(War Time)

There will come soft rains and the smell of the ground,
And swallows circling with their shimmering sound;

And frogs in the pools singing at night,
And wild plum trees in tremulous white,

Robins will wear their feathery fire
Whistling their whims on a low fence-wire;

And not one will know of the war, not one
Will care at last when it is done.

Not one would mind, neither bird nor tree
If mankind perished utterly;

And Spring herself, when she woke at dawn,
Would scarcely know that we were gone.

Sara Teasdale

Peace

Peace flows into me
As the tide to the pool by the shore;
It is mine forevermore,
It ebbs not back like the sea.
I am the pool of blue

Сара Тисдейл (1884-1933)

Придёт нежный дождь

(Время войны)

Придёт нежный дождь и запахнет земля,
И ласточек писк огласит все поля;

Лягушек затянет хор в темноте,
И выйдут сливы в дрожащей фате,

Вспыхнет огнём малиновок пух,
Свистом они порадуют слух.

Никто о войне не вспомнит потом,
Когда замрёт орудий гром.

Не вспомнят куст и птица меж тем,
Что не стало людей совсем;

Сама весна, встречая рассвет,
Вспомнит едва ль, что нас больше нет.

Сара Тисдейл (1884-1933)

Мир

Мира душа полна,
Он меня заливаает волной.
Навсегда теперь он мой
И не уйдёт, как волна.
Бассейн голубизны

That worships the vivid sky;
My hopes were heaven-high,
They are all fulfilled in you.
I am the pool of gold
When sunset burns and dies—
You are my deepening skies,
Give me your stars to hold.

H. D. (Hilda Doolittle)

Oread

Whirl up, sea—
whirl your pointed pines,
splash your great pines
on our rocks,
hurl your green over us,
cover us with your pools of fir.

H. D. (Hilda Doolittle)

The Pool

Are you alive?
I touch you.
You quiver like a sea-fish.
I cover you with my net.
What are you—banded one?

Во мне - это неба свет;
Мечты – им предела нет -
Все в тебе воплощены.
Я - золота бассейн,
Заката жаркий блеск.
Ты - свод моих небес,
Свет звёзд во мне рассей!

Х.Д. (Хильда Дулитл) (1886-1961)

Ореада

*)

Закружись, море,
всколыхни свои остроконечные сосны,
брызги своими огромными ветками
на наши скалы,
швырни в нас свою зелень,
покрой нас своей хвойной пеной.

*) Ореада – нимфа гор (греч. миф.)

Х.Д. (Хильда Дулитл) (1886-1961)

Над водой

Живой ли ты?
Касаюсь.
Как рыбка морская, дрожишь.
Укрою сетью своей.
В клетках её, кто ты? *)

*) Во время написания стихотворения Х.Дулитл была беременна. Это может быть одним из объяснений смысла произведения.

Rupert Brooke

The Soldier

If I should die, think only this of me:

That there's some corner of a foreign field
That is for ever England. There shall be
In that rich earth a richer dust concealed;
A dust whom England bore, shaped, made aware,
Gave, once, her flowers to love, her ways to roam;
A body of England's, breathing English air,
Washed by the rivers, blest by suns of home.

And think, this heart, all evil shed away,
A pulse in the eternal mind, no less
Gives somewhere back the thoughts by England given;
Her sights and sounds; dreams happy as her day;
And laughter, learnt of friends; and gentleness,
In hearts at peace, under an English heaven.

Claude McKay

If We Must Die

If we must die, let it not be like hogs
Hunted and penned in an inglorious spot,
While round us bark the mad and hungry dogs,
Making their mock at our accursèd lot.

If we must die, O let us nobly die,
So that our precious blood may not be shed
In vain; then even the monsters we defy
Shall be constrained to honor us though dead!

Руперт Брук (1887-1915)

Солдат

Коль я умру, так думай обо мне:

Есть уголок один в чужих полях,
Что он - навеки Англия. Вдвойне
Богаче он, храня бесценный прах
Того, кто в Англии увидел свет,
Любил цветы её и прошагал,
Омыт водой её, теплом согрет -
Частица родины, он ей дышал.

И думай: сердце, злу наперекор,
Пulsирует сейчас, из-под земли
Вселенной возвращая без конца
Напевы Англии, её простор,
Мечты и радость, что ему несли
Его друзей нежнейшие сердца.

1914

Клод МакКей (1889-1948)

Если нам суждено умереть

Если уж смерть, то свиньей не умрём,
Загнанной сворой в тупик на убой;
Голодные псы завывают кругом
В издёвке над нашей подлой судьбой.

Если уж смерть, то достойно прожив,
Чтобы не зря кровь святую пролить,
Так, чтоб чудовища и победив,
Даже умершими стали нас чтить!

O kinsmen! we must meet the common foe!
Though far outnumbered let us show us brave,
And for their thousand blows deal one death-blow!
What though before us lies the open grave?

Like men we'll face the murderous, cowardly pack,
Pressed to the wall, dying, but fighting back!

Edna St. Vincent Millay

When I Too Long Have Looked Upon Your Face

When I too long have looked upon your face,
Wherein for me a brightness unobscured
Save by the mists of brightness has its place,
And terrible beauty not to be endured,
I turn away reluctant from your light,
And stand irresolute, a mind undone,
A silly, dazzled thing deprived of sight
From having looked too long upon the sun.
Then is my daily life a narrow room
In which a little while, uncertainly,
Surrounded by impenetrable gloom,
Among familiar things grown strange to me
Making my way, I pause, and feel, and hark,
Till I become accustomed to the dark.

Edna St. Vincent Millay

I, being born a woman and distressed

I, being born a woman and distressed
By all the needs and notions of my kind,
Am urged by your propinquity to find

Враг окружает, нас мало, мужчин.
Братья, на труса никто не похож.
Дайте смертельный удар, хоть один!
Наша могила разверста? Ну что ж...

Рядом друзья, всё ещё впереди.
Даже прижатый к стене бой веди!

Эдна Сент-Винсент Миллей (1892-1950)

Когда я долго на тебя смотрю

Когда я долго на тебя смотрю,
На яркость нестерпимую лица,
То видеть ясно всё перестаю
И, выдержать не в силах до конца,
Я от светила отвращаю взор.
Растерянна, мой разум ослеплён
(Глупец, на солнце он смотрел в упор,
И вот теперь стоит его лишён).
Потерян свет, и стала жизнь моя
На комнатку похожа, где во тьме
Невидимых вещей касаюсь я,
Вещей, таких знакомых прежде мне,
Но ставших чуждыми. Остановлюсь,
Пока без света жить не научусь.

Эдна Сент-Винсент Миллей (1892-1950)

Рожденной женщиной, мне ли не знать

Как женщина рожденной, тяжесть уз,
Стремления её - мне ли не знать!
Твоя нужна мне близость, чтоб понять

Your person fair, and feel a certain zest
To bear your body's weight upon my breast:
So subtly is the fume of life designed,
To clarify the pulse and cloud the mind,
And leave me once again undone, possessed.
Think not for this, however, the poor treason
Of my stout blood against my staggering brain,
I shall remember you with love, or season
My scorn with pity,—let me make it plain:
I find this frenzy insufficient reason
For conversation when we meet again.

Edna St. Vincent Millay

Spring

To what purpose, April, do you return again?
Beauty is not enough.
You can no longer quiet me with the redness
Of little leaves opening stickily.
I know what I know.
The sun is hot on my neck as I observe
The spikes of the crocus.
The smell of the earth is good.
It is apparent that there is no death.
But what does that signify?
Not only under ground are the brains of men
Eaten by maggots.
Life in itself
Is nothing,
An empty cup, a flight of uncarpeted stairs.
It is not enough that yearly, down this hill,
April
Comes like an idiot, babbling and strewing flowers.

Всю красоту твою. Как сладок груз
Грудь сжавшего мне тела твоего:
Так тонок, нежен жизни фимиам,
Он гонит пульс и ум туманит нам,
Мы одержимы, слабы от него.
Не думай, что бунт крови как-нибудь
Повергнет мозг ошеломлённый мой.
Я сохраню любовь к тебе, и будь
Добр к слабости моей, но всё ж усвой:
О ней бесед не жди, - не обессудь, -
Когда ещё раз встретимся с тобой.

Эдна Сент-Винсент Миллей (1892-1950)

Весна

Зачем ты возвращаешься снова, Апрель?
Мне мало одной красоты.
Ты уже не можешь успокоить меня
Листочками красными, липкими.
Я знаю то, что знаю.
Солнце горячо на моей шее, когда я гляжу
На шипы шафрана,
Земля пахнет приятно.
Очевидно, что смерти нет.
Но что это значит?
Не только под землей мозги людей
Разъедают личинки.
Жизнь сама по себе
Ничто,
Пустая чашка, лестница без ковра.
Мне мало того, что каждый год по этому холму
Апрель
Сходит, лепечет, как идиот, и рассыпает цветы.

Dorothy Parker

A Dream Lies Dead

A dream lies dead here. May you softly go
Before this place, and turn away your eyes,
Nor seek to know the look of that which dies
Importuning Life for life. Walk not in woe,
But, for a little, let your step be slow.
And, of your mercy, be not sweetly wise
With words of hope and Spring and tenderer skies.
A dream lies dead; and this all mourners know:

Whenever one drifted petal leaves the tree-
Though white of bloom as it had been before
And proudly waitful of fecundity-
One little loveliness can be no more;
And so must Beauty bow her imperfect head
Because a dream has joined the wistful dead!

Dorothy Parker

Ballade at Thirty-Five

This, no song of an ingénue,
This, no ballad of innocence;
This, the rhyme of a lady who
Followed ever her natural bents.
This, a solo of sapience,
This, a chantey of sophistry,
This, the sum of experiments, —
I loved them until they loved me.

Decked in garments of sable hue,
Daubed with ashes of myriad Lents,

Дороти Паркер (1893-1967)

Мечта умерла

Умершую мечту сейчас увидишь ты.
Пройди тихонько там, но отведи свой взгляд
И не пытайся разглядеть её наряд.
Она мертва, мы живы - в столах нет нужды.
Замедли всё же шаг, не бойся темноты.
Слов мудрых, сладкозвучных поубавь каскад,
Оставь весну, надежду, свет небесных врат.
Ведь всем скорбящим ясно: нет в живых мечты.

Когда один спадает с ветки лепесток,
В цветенье белом так же тонет сад весной,
Не иссякает плодородия поток,
Всего лишь будет меньше прелестью одной;
Но, став неполной, лоб склоняет красота:
Теперь среди печальных мертвецов мечта!

Дороти Паркер (1893-1967)

Баллада в тридцать пять

*)

Это не о простушке была
Песнь, не о невинной стих,
А о леди, что сберегла
Свои склонности от чужих.
И рассудок в ней не утих,
Всё оценивая и судя.
Вот итог: я любила их,
Лишь пока любили меня.

В строгом чёрном платье одна,
Глава в пепле бдений ночных,

Wearing shower bouquets of rue,
Walk I ever in penitence.
Oft I roam, as my heart repents,
Through God's acre of memory,
Marking stones, in my reverence,
"I loved them until they loved me."

Pictures pass me in long review,—
Marching columns of dead events.
I was tender, and, often, true;
Ever a prey to coincidence.
Always knew I the consequence;
Always saw what the end would be.
We're as Nature has made us — hence
I loved them until they loved me.

L'ENVOI

Princes, never I'd give offense,
Won't you think of me tenderly?
Here's my strength and my weakness, gents, —
I loved them until they loved me.

Dorothy Parker

A very short song

Once, when I was young and true,
Someone left me sad-
Broke my brittle heart in two;
And that is very bad.

Love is for unlucky folk,

И раскаяния полна
В своих тяжких грехах былых,
(Сердце стонет в груди от них),
Тяжкой памяти склеп проходя,
Каюсь, что я любила их,
Лишь пока любили меня.

Преодо мной череда проплыла
Уже мёртвых картин непростых.
Хоть быть искренней, нежной могла, -
Жертва случая, козней людских,
Лишена иллюзий любых,
Знала всё и, сознание храня,
Каждый раз я любила их,
Лишь пока любили меня.

L'ENVOI **)

Не обидев принцев моих
(В этом сила и слабость моя),
Всё ж всегда я любила их,
Лишь пока любили меня.

*) Написано в 30 лет
**) Заключение (франц.)

Дороти Паркер (1893-1967)

Очень короткая песня

Верна, молода, но – ах!
Осталась одна грустить:
Разбил моё сердце в прах;
Что может хуже быть?

Любовь – проклятье порой,

Love is but a curse.
Once there was a heart I broke;
And that, I think, is worse.

Dorothy Parker

A Certain Lady

Oh, I can smile for you, and tilt my head,
And drink your rushing words with eager lips,
And paint my mouth for you a fragrant red,
And trace your brows with tutored finger-tips.
When you rehearse your list of loves to me,
Oh, I can laugh and marvel, rapturous-eyed.
And you laugh back, nor can you ever see
The thousand little deaths my heart has died.
And you believe, so well I know my part,
That I am gay as morning, light as snow,
And all the straining things within my heart
You'll never know.

Oh, I can laugh and listen, when we meet,
And you bring tales of fresh adventurings, --
Of ladies delicately indiscreet,
Of lingering hands, and gently whispered things.
And you are pleased with me, and strive anew
To sing me sagas of your late delights.
Thus do you want me -- marveling, gay, and true,
Nor do you see my staring eyes of nights.
And when, in search of novelty, you stray,
Oh, I can kiss you blithely as you go
And what goes on, my love, while you're away,
You'll never know.

Wilfred Owen

Несчастья все – от неё.
Есть сердце, разбитое мной;
По мне, это хуже ещё.

Дороти Паркер (1893-1967)

Некая леди

О, я могу улыбаться, голову наклонив,
Губами жадными слов твоих поток ловить,
Рот красный и ароматный слегка раскрыв,
Умело пальчиками шёлк бровей обводить.
Когда ты список побед повторяешь мне свой,
О, я смеюсь, и искры восторга летят из глаз.
И ты смеешься в ответ, и не видишь, слепой,
Как сердце моё умирает тысячу раз.
Ты веришь (я так хорошо исполняю роль!),
Что я весела, словно утро, светла, как снег.
О том, как сильно сердце моё сжимает боль,
Ты не узнаешь вовек.

О, я могу слушать смеясь, ведь мне не впервой,
Рассказы о приключениях свежих, палач,
Как дамы деликатны и нескромны с тобой,
Как руки неторопливы и шёпот горяч.
И ты доволен мною и стремишься опять
Петь саги о наслаждениях у этих дам.
Ты хочешь меня только дивной, весёлой знать,
И глаз моих не видишь, блещущих по ночам.
Я могу беспечно принять прощальный привет,
Когда ты за новизной устремляешь свой бег...
Что будет здесь, любовь моя, пока тебя нет,
Ты не узнаешь вовек.

Уилфред Оуэн (1893-1918)

Anthem for Doomed Youth

What passing-bells for these who die as cattle?
— Only the monstrous anger of the guns.
Only the stuttering rifles' rapid rattle
Can patter out their hasty orisons.
No mockeries now for them; no prayers nor bells;
Nor any voice of mourning save the choirs,—
The shrill, demented choirs of wailing shells;
And bugles calling for them from sad shires.

What candles may be held to speed them all?
Not in the hands of boys, but in their eyes
Shall shine the holy glimmers of goodbyes.
The pallor of girls' brows shall be their pall;
Their flowers the tenderness of patient minds,
And each slow dusk a drawing-down of blinds.

Wilfred Owen

Dulce et Decorum Est

Bent double, like old beggars under sacks,
Knock-kneed, coughing like hags, we cursed through sludge,
Till on the haunting flares we turned our backs,
And towards our distant rest began to trudge.
Men marched asleep. Many had lost their boots,
But limped on, blood-shod. All went lame; all blind;
Drunk with fatigue; deaf even to the hoots
Of gas-shells dropping softly behind.

Gas! GAS! Quick, boys!—An ecstasy of fumbling
Fitting the clumsy helmets just in time,
But someone still was yelling out and stumbling
And flound'ring like a man in fire or lime.—

Гимн обреченной молодежи

Погибшие, как скот, какой слышали звон?
- Не колокола, нет: орудий гневный вой,
Заик-винтовок треск сухой со всех сторон
Вместо молитв своих родных за упокой.
Напевов траурных и слов не слышно тут,
А лишь безумный хор снарядов, плач земли
И эхо труб, что из печальных графств зовут
Домой своих сынов, исчезнувших вдали.

Какие свечи их могли бы проводить?
Лишь те, что не в руках мальчишек, а в глазах,
Уместны были бы на тех похоронах;
Покровом бледность девушек могла б служить,
Цветами - нежность мыслей каждого из нас
В вечерний тихий скрытый за портьерой час.

Уилфред Оуэн (1893-1918)

Dulce et Decorum Est

Как нищий под мешком, согнувшись пополам,
Как старая карга хрипя, в грязи по грудь,
Мы шли в неблизкий путь на отдых, данный нам,
Смогли к далёким вспышкам спину повернуть.
Слепые сонно шли куда-то наобум,
Иные без сапог, изранив ноги в кровь,
Не слыша газовых снарядов «бум-бум-бум»,
Что ухали за нами где-то вновь и вновь.

«Газ! ГАЗ! Быстрее, мальчишки!» - тотчас возня,
Мы подгоняем масок скомканных овал,
Но кто-то закричал, упав возле меня,
Как будто в известь или вдруг в огонь попал.

Dim through the misty panes and thick green light,
As under a green sea, I saw him drowning.
In all my dreams before my helpless sight,
He plunges at me, guttering, choking, drowning.

If in some smothering dreams, you too could pace
Behind the wagon that we flung him in,
And watch the white eyes writhing in his face,
His hanging face, like a devil's sick of sin;
If you could hear, at every jolt, the blood
Come gargling from the froth-corrupted lungs,
Obscene as cancer, bitter as the cud
Of vile, incurable sores on innocent tongues,—

My friend, you would not tell with such high zest
To children ardent for some desperate glory,
The old Lie: Dulce et decorum est
Pro patria mori.

Marianne Moore

Poetry

I, too, dislike it: there are things that are important
beyond all this fiddle.
Reading it, however, with a perfect contempt for it,
one discovers that there is in
it after all, a place for the genuine.
Hands that can grasp, eyes
that can dilate, hair that can rise
if it must, these things are important not be-
cause a

Тогда, сквозь стёкла, в свет зелёный погружён,
Я видел ужас искажённого лица...
И до сих пор во снах без сил смотрю, как он
Захлёбываясь пеной, тонет без конца.

О, если б в душных снах ты тоже мог шагать
Вслед за возком, где мёртвый он лежал потом,
Смотреть, как он белками стал вращать,
На маску дьявола, сражённого грехом;
И слышать, как кровь булькает противно при толчках
Из лёгких, превращённых разом в пустоту -
Это, как язвы на невинных языках,
Как жвачка горькая, прилипшая ко рту, -

Друг мой, ты детям, бредящим про славу, честь,
Не стал бы повторять с таким задором
Ложь старую, мол, Dulce et decorum est
Pro patria mori. *)

*) Сладка и почётна смерть за отчизну (Гораций, лат.)

Марианна Мур (1894-1962)

Поэзия

Мне тоже она не нравится: есть вещи поважней
всей этой волынки, но,
читая стихи с полным презрением к ним,
обнаруживаешь, что есть там
место и для подлинного, в конце концов:
руки, которые могут хватать, глаза
которые могут расширяться, волосы, которые мо-
гут вставать дыбом, если нужно, - эти вещи важны,
не потому, что их
можно эффектно интерпретировать, но

high sounding interpretation can be put upon them
but because they are
useful; when they become so derivative as to
become unintelligible, the
same thing may be said for all of us – that we
do not admire what
we cannot understand. The bat,
holding on upside down or in quest of some-
thing to
eat, elephants pushing, a wild horse taking a roll,
a tireless wolf under
a tree, the immovable critic twinkling his skin like a
horse that feels a flea, the base-
ball fan, the statistician – case after case
could be cited did
one wish it; nor is it valid
to discriminate against “business documents
and
school-books”; all these phenomena are important.
One must make a distinction
however: when dragged into prominence by half
poets,
the result is not poetry,
nor till the autocrats among us can be
“literalists of
the imagination” – above
insolence and triviality and can present
for inspection, imaginary gardens with real toads
in them, shall we have
it. In the meantime, if you demand on one hand,
in defiance of their opinion –
the raw material of poetry in
all its rawness, and
that which is on the other hand,
genuine, then you are interested in poetry.

потому что они самоценны даже тогда,
когда выражаются настолько произвольно, что
становятся непонятными совсем;
обо всех нас можно сказать, что мы
не восхищаемся тем,
чего мы понять не можем. Летучая мышь,
висящая вверх ногами или летящая в поисках еды,
толкающиеся слоны,
дикая лошадь, кувыркающаяся в траве,
неутомимый волк под
деревом, неподвижный критик, дёргающий кожей, как
лошадь, которая чувствует блоху,
бейсбольный фанат, статистик... - можно перечислять,
если кто-то захочет, без конца,
и нет нужды
дискриминировать «деловой документ
и
школьный учебник»; все эти явления важны.
Надо различать
однако: когда они выдвигаются на передний план
полупоэтами, то
результат – это не стихи;
только когда появятся среди нас
«истинные творцы
воображения», способные, преодолев
наглость и банальность, предлагать
для осмотра воображаемые сады
с настоящими жабами в них, -
тогда лишь мы получим её.
Пока же, если вы требуете, мнению их вопреки,
сырьё поэзии во всей его,
с одной стороны,
естественности и,
с другой стороны,
подлинности, значит, вы интересуетесь поэзией.

Langston Hughes

The Weary Blues

Droning a drowsy syncopated tune,
Rocking back and forth to a mellow croon,
I heard a Negro play.
Down on Lenox Avenue the other night
By the pale dull pallor of an old gas light
He did a lazy sway. . . .
He did a lazy sway. . . .
To the tune o' those Weary Blues.
With his ebony hands on each ivory key
He made that poor piano moan with melody.
O Blues!
Swaying to and fro on his rickety stool
He played that sad raggy tune like a musical fool.
Sweet Blues!
Coming from a black man's soul.
O Blues!
In a deep song voice with a melancholy tone
I heard that Negro sing, that old piano moan—
“Ain't got nobody in all this world,
Ain't got nobody but ma self.
I's gwine to quit ma frownin'
And put ma troubles on the shelf.”

Thump, thump, thump, went his foot on the floor.
He played a few chords then he sang some more—
“I got the Weary Blues
And I can't be satisfied.
Got the Weary Blues
And can't be satisfied—
I ain't happy no mo'
And I wish that I had died.”

Лэнгстон Хьюз (1902-1967)

Усталый Блюз

Негромко, качаясь взад-вперёд,
Мелодию сонную негр ведёт.
Синкопы летят во мрак.
Над Ленокс-авеню погасла заря.
При бледном свете газового фонаря
Лениво качается в такт...
Лениво качается в такт...
Гудит напев, Усталый Блюз.
Эбоновая - на клавишах слоновой кости - кисть
Заставляет бедное пианино стонать.
О Блюз!
Качаясь на шатком стуле, поёт,
Играет коряво, не зная нот.
Сладкий блюз!
Из душ черных людей он идёт.
О Блюз!
Глубокий голос, меланхолический тон -
Пение негра и пианино стон:
«Во всём мире нету у меня никого,
У меня нет никого, я вообще один.
И я готов бросить всё от того,
Оставить заботы на полке другим».

Стук, стук, стук, стучит по земле ногой.
Пяток аккордов и куплет другой...
«У меня есть этот Усталый Блюз,
И доволен быть я не могу.
Есть этот Усталый Блюз,
И доволен быть не могу.
Я несчастливый такой,
И я жду, когда я умру».

And far into the night he crooned that tune.
The stars went out and so did the moon.
The singer stopped playing and went to bed
While the Weary Blues echoed through his head.
He slept like a rock or a man that's dead.

Ogden Nash

A Word To Husbands

To keep your marriage brimming
With love in the loving cup,
Whenever you're wrong, admit it;
Whenever you're right, shut up.

Stevie Smith

Not Waving But Drowning

Nobody heard him, the dead man,
But still he lay moaning:
I was much further out than you thought
And not waving but drowning.

Poor chap, he always loved larking
And now he's dead
It must have been too cold for him his heart gave way,
They said.

Oh, no no no, it was too cold always
(Still the dead one lay moaning)
I was much too far out all my life
And not waving but drowning.

Эту мелодию он напевал допоздна.
Звёзды погасли и с ними луна.
Тогда певец перестал играть и пошёл спать,
А Усталый Блюз продолжал в его голове звучать.
Как камень или как мёртвый, он упал на кровать.

Огден Нэш (1902-1971)

Слово к мужьям

Чтоб полон любви оставался
Кубок брака из года в год,
Когда ты не прав, признавайся;
Когда прав, заткни себе рот.

Стиви Смит (1902-1971)

Не махал руками - тонул

Никто не слышал его, мертвеца,
А он стонал меж волнами:
Я был ещё дальше, чем думали вы,
И тонул – не махал руками.

Бедняга всегда любил шутки,
И на тебе!
Верно, холодно было, и сердце сдало -
Решили все.

- О нет, всегда было холодно слишком
(Мертвый стонал меж волнами);
Всю жизнь я слишком был далеко
И тонул – не махал руками.

Mary Elizabeth Frye

Do Not Stand At My Grave And Weep

Do not stand at my grave and weep
I am not there; I do not sleep.
I am a thousand winds that blow,
I am the diamond glints on snow,
I am the sun on ripened grain,
I am the gentle autumn rain.
When you awaken in the morning's hush
I am the swift uplifting rush
Of quiet birds in circled flight.
I am the soft stars that shine at night.
Do not stand at my grave and cry,
I am not there; I did not die.

Мэри Элизабет Фрай (1905-2004)

Не стой, не плачь у могилы моей

Не стой, не плачь у могилы моей.
Пойми, не здесь я, не сплю я в ней.
Летать я с тысячью ветров могу
И бриллиантом блеснуть на снегу.
Я солнца луч на созревшем зерне,
Я тёплый дождь на осенней стерне.
Проснувшись утром, меня разглядишь
Во взлёте стай в поднебесную тишь,
В их круженье не спеша над тобой,
В сиянье нежном звёзд в тьме ночной.
Не стой, скорбя у могилы в слезах:
Меня там нет, и я вовсе не прах.

Элизабет Бишоп (1911-1979)

Одно из искусств

Искусство всё терять несложно в овладенье;
есть вещи, что пропасть – для них одна мечта,
и их потеря – вовсе не землетрясенье.

Теряйте каждый день. Какое восхищенье:
пропажа всех ключей и часа пустота!
Искусство всё терять несложно в овладенье.

Затем в процесс потерь введите ускоренье:
все имена, места, где хочешь иногда
побыть денёк. (Но это не землетрясенье).

Часов (подарок мамы) нет, и - наважденье! -

исчезли дома три неведомо куда.
Искусство всё терять несложно в овладенье.

Я потерял друзей и все свои владенья,
любимые две речки, горы, города,
всю сушу. (Обошлось всё без землетрясения).

И, потерять тебя (улыбка и движение
руки), не стану лгать: всё это не беда.
Искусство всё терять несложно в овладенье,
Хоть кажется оно (заметь!) землетрясеньем.

Роберт Хейден (1913-1980)

Те зимние воскресенья

И по воскресным дням отец вставал рано,
в сизом холоде одевался,
потом руками в трещинах,
сквозь боль от труда в непогожие будни,
разжигал огонь.
Никто ни разу не благодарил его.

Просыпаясь, я слышал сухой треск холода.
Когда в доме теплело, он звал,
я медленно одевался и шёл,
боясь обычных в этом доме вспышек гнева,

И равнодушно говорил с тем,
кто изгнал холод и сейчас
драил мои выходные ботинки.
Что я знал, что я знал
о долге любви - суровом и безответном?

Дилан Томас (1914-1953)

Не уходи в ту ночь, скажи ей «нет!»

Не уходи в ту ночь, скажи ей «нет!».
Пусть старость вспыхнет вновь на склоне дня;
Встань, защити от смерти гневно свет.

Известно мудрым: мрак найдёт ответ,
Но, хоть словами не зажжёшь огня,
Не уходи в ту ночь, скажи ей «нет!».

Кто добр был, тот грустит на склоне лет,
О том, что сделал, плачет уходя.
Встань, защити от смерти гневно свет.

Кто солнца лишь себе ловил привет,
Теперь идёт во тьму, себя кляня.
Не уходи в ту ночь, скажи ей «нет!».

А стойкий, перед смертью, слеп и сед,
Всё ж твёрд, души сияние храня.
Встань, защити от смерти гневно свет.

О ты, отец, кто в небо видит след,
В слезах молю, благослови меня.
Не уходи в ту ночь, скажи ей «нет!».
Встань, защити от смерти гневно свет.

Дилан Томас (1914-1953)

Ферн Хилл

*)

Тогда я был мал и лёгок под яблоневыми ветвями
Возле поющего дома и счастлив так, как зелена трава.
Ночи были звёздными над холмом,
Время позволяло мне окликать его и лезть куда-то,

Златоглазое в пору его расцвета;
И, почитаемый среди повозок, я властвовал над яблочными
городами;
Мне принадлежали по праву деревья, листва,
Тропа с ромашками и ячменём
Под реками палящего света.

Зелёный и беззаботный, среди сараев известный,
На счастливом дворе я пел, а ферма была мне домом в полях;
Под солнцем, молодым только раз,
Время позволяло мне играть и быть
Золотым по милости его в детстве.
Зелёный и золотой, я был егерем, пас коров,
Телята пели под мой рог, лисы лаяли холодно, резко в
холмах,
И субботы медленный звон гас
В чистой гальке святых ручьёв.

Солнце весь день бежало. Это было прекрасно. Сено
На полях было выше дома; и весело, влажно, воздушно
Дымоход песнь чудную пел;
Огонь был зеленее травы.
И под простыми звёздами казалось мне,
Что, когда я уезжал спать, совы уносили ферму мгновенно.
Пока светила луна, я слышал - благословенный среди
конюшен -
Козодоев, что уносили скирды с полей,
И лошадей, что мелькали во тьме.

А когда я просыпался, - как белый странник, ферма
В росе возвращалась с петухом на плече:
Это были Адам и дева. Сверкая огнём,
Небо соединялось вновь,
И солнце росло и росло в вышине.
Так должно было быть при рождении света, наверное,
В месте творенья; тёплые очарованные лошади шли по росе

Из ржущей зелёной конюшни табуном
Восхвалять бытие.

И, уважаемый за свой весёлый дом фазанами и лисами всеми,
Под свежими облаками, счастливый, сколько сердце вмещало,
Под солнцем, рождавшимся снова и снова,
Я бежал своими беспечными путями;
Мои желания носились по сену с дом высотой,
И меня не волновало в моих небесно-голубых делах, что время
В своём мелодичном движении уделяет утренних песен так мало
Детям, золотым и зелёным,
По его милости бегущим за ним гурьбой;

Я не заботился ни о том, что в один из белых, как ягнёнок, дней
Время может поднять меня на полный ласточек чердак,
Взяв за тень моей руки, под луной, всегда восходящей,
Ни о том, что однажды, уезжая спать,
Я услышу, как оно летит, унося поля,
И что очнусь на ферме, навсегда улетевшей из земли, где нет детей.
О, как я был мал и лёгок по милости его, и как
Время держало меня зеленым и умирающим,
Хотя, как море, я пел в цепях.

*) Fern Hill (Папоротниковый Холм) – ферма на юго-западе
Уэльса, принадлежавшая тётке поэта Анни и ее мужу Джиму
Джонсу, где Томас мальчиком подолгу гостил летом.
(<https://stihi.ru/2010/06/14/5422>)

Филип Ларкин (1922-1985)

Это будет стих

Таким они сотворили тебя.
Нет, нет, не со зла, но вышло всё так:
Свои дефекты вложили любя,

Добавив изюминку, сын-дурак.

Но и они уродились в свой срок
У дураков в старомодных пальто,
Сентиментальных до файв-э-клок
И костью в глотке другого потом.

Родитель горе в наследство даёт.
Чем дальше в море, тем глубже вода.
Старей как можно быстрее, идиот,
И не заводи детей никогда.

Майя Энджелу (1922-2014)

Я знаю, почему птица в клетке поёт

Птица вольная на спине
Ветра по теченью плывёт
До конца его и опускает крыло
В оранжевый солнца луч,
Претендуя на небеса.
Но ПТИЦЕ, что мечется в узкой клетке давно,
Сквозь прутья гнева мало что видеть дано:
Подрезаны крылья, петля на ногах.
И она открывает горло, чтоб петь.
Она поёт, преодолевая страх,
О неизвестных, манящих вещах,
Её трель слышна на дальних холмах -
Она о свободе поёт.
Птица вольная предвкушает бриз,
Мягкий пассат среди ветвей
И жирных червей,
Что ждут её на заре;
И она называет небо своим.
А ПТИЦА в клетке стоит на могиле мечты,
Её тень кричит сквозь кошмарные сны.

Подрезаны крылья, петля на ногах.
И она открывает горло, чтоб петь,
Преодолевая страх,
О неизвестных, но
Манящих вещах. Её
Трель слышна на дальних холмах -
Она о свободе поёт.

Сильвия Плат (1932-1963)

Кандидат

Во-первых, наш ли ты человек?
Носишь ли ты
Стекланный глаз, вставные зубы или протез,
Подтяжку, крючок,
Резиновую грудь или промежность,

Швы, чтобы показать, что чего-то не хватает? Нет, нет? Тогда
Как мы сможем дать тебе что-нибудь?
Хватит плакать.
Раскрой свою руку.
Пусто? Пусто. Вот рука,

Которая заполнит её и готова
Приносить чашки, избавлять от головной боли
И делать всё, что скажешь.
Возьмёшь её замуж?
Гарантируем:

Она закроет тебе глаза под конец
И растворится в печали:
Новые комплекты мы делаем из соли.
Я вижу, ты совершенно голый.
Как насчет этой пары? -

Черная и жёсткая, но неплохо сидит.
Возьмёшь её замуж?
Она водонепроницаемая, небьющаяся, стойкая
Против огня и бомб через крышу.
Поверь, тебя в ней похоронят.

Теперь... голова твоя, извини, пуста.
У меня есть то, что нужно.
Выйди, милый, из шкафа.
Что ты думаешь об этой?
Белая, как бумага, для начала,

Но через двадцать пять лет она будет серебряной,
В пятьдесят - золотой.
Куда ни глянь - живая кукла.
Она может шить, готовить,
Она может говорить, говорить, говорить.

Она работает, всё в порядке.
У тебя есть проблема - она припарка.
У тебя есть глаз - она картинка.
Мой мальчик, это твоё последнее средство.
Возьмёшь её замуж?...возьмёшь её замуж...возьмёшь её...